СВЕТЛАНА ЗАХАРОВА

ПРИВИВКА ПРОТИВ ЛЮБВИ

ПРОДОЛЖЕНЕ КУЛЬТОВОЙ
"ПРОПАСТИ ДЛЯ СВОБОДНЫХ МУЖЧИН"

18+

Светлана Захарова

Прививка против любви

«Автор»
2005

Захарова С. А.

Прививка против любви / С. А. Захарова — «Автор», 2005

Роман С. Захаровой "Пропасть для свободных мужчин" вызвал интерес у читателей. Второй роман под названием "Прививка против любви" является его продолжением. Читатель вновь встречается с Татьяной Поляковой, её родственниками и друзьями, которые любят, страдают, ищут выход из затруднительного положения. А кроме того раскрывают страшную тайну, которой окутана старая дача.

© Захарова С. А., 2005
© Автор, 2005

Содержание

1. Встреча. 5
2.Письмо. 7
3.Одноклассницы 16
4.Долг. 24
5.Броуновское движение. 28
6.Машина 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Светлана Захарова
Прививка против любви

1. Встреча.

Сентябрьский день клонился к вечеру, хотя небо было еще светлым, сине-розовым с багровой каймой заката. Опавшие листья только-только начали покрывать асфальт, до зимы было еще далеко, но мужчина средних лет, томясь в ожидании, ежился от холода. Он сидел на скамейке и смотрел на средний подъезд дома напротив, внимательно следя глазами за всеми, кто оттуда выходил.

Не то, не то… Нужный ему объект он знал в лицо, поэтому ни с кем перепутать не мог.

Ждать пришлось долго, почти три дня. Покидая свой пост ночью, мужчина вновь приходил рано утром, меняя для разнообразия скамейки, на которых сидел, но неизменно устремляя свой взор все на тот же подъезд. В конце концов, объект должен был появиться, деться ему некуда, и тогда он сделает то, что должен сделать, чтобы обезопасить себя от возможных осложнений.

Провал в деле, которое он считал давно отлаженным, явился для него полной неожиданностью. Рухнула стройная система, хотя все было обдумано до мелочей, рассчитано до доли секунды. Специалисты у него были славные, опытные. Они за три месяца не допустили ни одного прокола, ни единой промашки, нигде не засветились и ни разу его не подвели. Никто не знал, что он ими руководит, его конспирация была полной. И все-таки дело рухнуло… Где теперь искать виновных?

Мужчина, пряча глаза за темными очками, поправил козырек кепки , надвинутой на лоб. Достав из сумки термос, налил себе чаю, с наслаждением отхлебнул, и в этот момент увидел того, кого ждал. Молодой человек быстро шел к подъезду, но не один, а рядом с женщиной, которую ожидающий тоже знал в лицо. Не повезло, подумал он, свидетели в этом деле не нужны, придется дожидаться другого раза.

Он продолжал отхлебывать чай, вместе с тем следя, как парочка входит в подъезд. Но уходить рано, надо проследить, здесь ли объект будет ночевать или отправится в другое место. Если здесь, то дело можно считать сделанным, он встретит его утром. Если куда-то пойдет , тоже неплохо, встреча вполне может состояться уже сегодня.

Покончив с чаепитием, мужчина встал и прошелся вдоль дома, наблюдая за окнами интересующей его квартиры. Никто не выходил, балкон был пуст, и он зашел за угол, чтобы убедиться, что машина стоит на месте. Он специально поставил ее подальше от дома, чтобы никто из жильцов не мог запомнить цвет, марку или записать номер. Его план должен осуществиться четко, не оставляя следов.

И вот наконец-то повезло. Молодой человек буквально вылетел из подъезда и торопливо направился не к метро, а совсем в другую сторону. Мужчина встал и пошел следом, боясь, что объект убежит слишком далеко от машины. Прибавив шагу, он нагнал его и грубо схватил за руку. Молодой человек остановился и удивленно посмотрел на неказистого, низкорослого мужичка.

– В чем дело? – спросил он.

– Надо кое-что выяснить. Ты что же, не узнаешь меня?

– Я вас не знаю.

– Как же так? Я тебе помог, можно сказать, невозможное для тебя сделал, а ты меня знать не знаешь?

– Первый раз вижу, – искренне сказал молодой человек, и мужчина ему поверил.

– Это хорошо, что первый раз. Значит, не все у меня потеряно. Шанс, значит, есть. Но ты должен на время исчезнуть от греха подальше. Понял? Ты единственный свидетель. Тебя могут пригласить для дачи показаний, и ты расколешься. А мне это ни к чему, семья у меня.

– Что-то я ничего не понимаю.

– Сейчас поймешь. Вот стоит моя машина – садимся и едем.

– Я никуда не поеду. Я должен идти – меня ждут.

– Подождут, ничего с ними не случится. Если будешь слушаться, пощадим и тебя. Но сначала ты сделаешь то, о чем я попрошу.

– Ты что, дядя, с ума сошел? Может, ты меня с кем-нибудь из своих собутыльников перепутал? Так погляди внимательнее. Я – не он, а потому никуда не поеду. И делать ничего не буду.

Мужчина ничего не ответил, сунул руку в карман. И в тот же момент молодой человек почувствовал, что голова у него закружилась, а лицо собеседника исчезло в тумане.

2.Письмо.

В этот день Татьяна Михайловна Полякова возвращалась домой поздно. В ее конструкторском отделе происходило освоение нового изделия – завод возрождался после многолетней спячки. Работы было очень много, и она – начальник одного из подразделений отдела Главного конструктора, последние два месяца находилась в постоянных заботах и хлопотах.

Она шла неспешной походкой, с удовольствием вдыхая чистый после дождя воздух и радуясь тому, что

завтра – выходной, можно будет не думать о работе и приятно отдохнуть. Возле подъезда своего дома она остановилась поговорить с соседками, которые, как обычно, начали расспрашивать, как поживает за границей её племянница и часто ли пишет письма.

Юлия, дочь её трагически погибшего брата, уже шесть лет жила с матерью в Германии, письма писала не часто, а в последнее время и вовсе перешла на телефонные звонки и компьютерные SMS, которые посылала своему двоюродному брату Андрею. Поэтому Татьяна Михайловна очень удивилась, когда увидела в почтовом ящике конверт с иностранными штемпелями. В подъезде было темно, а зрение у неё далеко от идеального, и она, отчего-то волнуясь, положила конверт в сумку. Дома она наденет очки и тогда уже прочтет и адрес на конверте, и само письмо. Тетушка была уверена, что оно всё-таки от племянницы, и, стало быть, таким образом растягивала удовольствие, которое всегда получала от чтения Юлькиных писем. Но когда она сняла плащ, сбросила с опухших от усталости ног туфли и наконец-то, вооружившись очками, удобно уселась в кресло, то её ждал сюрприз: письмо было не от Юли.

Она внимательно оглядела конверт, изучив его с обеих сторон, и не сразу увидела, что в левом верхнем углу стояла четкая надпись иностранными буквами: Париж. Татьяна вздрогнула: неужели? Сердце учащенно забилось. Письмо из Парижа могло быть только от нее, от подруги Нины, которая четыре года назад уехала туда лечиться от рака.

Нина была ее лучшей подругой еще со школьных времен, подругой, от которой она не имела никаких секретов и всегда все знала о её жизни и жизни ее близких. Нина помогала ей в трудные минуты, как и Татьяна Нине, они вместе провели немало приятных часов. Вместе переживали за брата Тани Михаила Лунина, когда он заболел, и пытались его спасти.

Боже мой! Она даже не знает, что Миши уже нет, что все закончилось так плохо, как нельзя было ожидать. Сколько событий произошло за эти четыре года, сколько неприятностей свалилось на семью Луниных – Поляковых. Неужели это еще не все?

Татьяна сознательно медлила, не торопилась вскрывать конверт, потому что боялась прочитать там плохие новости о подруге. Неужели Нина, такая очаровательная, такая жизнерадостная, могла умереть от рака? Нет, этого не может быть. Это другие умирают, старые и хилые, а она должна вылечиться. Нина так любит жизнь, так старается нравиться мужчинам – и почти всегда добивается этого.

Известный киноартист Фёдор Маховец, кумир всех девушек, влюбился в неё с первого взгляда, когда Нина Горлатых, корреспондент”Московских новостей”, пришла брать у него интервью. Они вместе, уже поженившись, были гостями на свадьбе Миши. Как счастлива была тогда Нина, как блестели её глаза! Беспечное было время. Ничего не предвещало трагедии, все ждали от жизни только хорошего, даже не пытаясь заглянуть в будущее.

И вдруг, как гром среди ясного неба, болезнь Нины, госпитализация, долгое обследование и, наконец, операция. Недолгая ремиссия, давшая было надежду, закончилась разочарованием. Болезнь вновь заявила о себе. Всё шло к трагическому концу, спасти её могли только за границей. Неужели не спасли?

Татьяна Михайловна ещё раз посмотрела на конверт, повертела его в руках, не решаясь распечатать. Если письмо от Нины, почему оно кажется таким невыносимо чужим, начи-

ная с чётких печатных надписей и кончая нерусскими, с непонятным изображением марками. Неужели?.. Она ещё раз посмотрела на обратный адрес, пытаясь разобрать французские буквы, но опять же, кроме слова Париж, ничего не поняла.

Время шло, а Татьяна всё ещё вертела конверт в руках, щупала его, пытаясь угадать содержимое. Письмо было тонким, видимо, ничего, кроме листа бумаги, там не было. Как глупо она себя ведет! От её медлительности и нерешительности абсолютно ничего не зависит, ничего не изменится. Надо читать.

Она взяла ножницы и аккуратно, не повредив обратного адреса, отрезала край конверта и вынула свёрнутый вдвое листок. И опять сердце учащённо забилось. Может быть всё-таки лучше не читать?

Да что она в самом деле! Солидная женщина, взрослого сына имеет, а всего боится, как девочка-подросток. Уход от действительности, так называемая позиция страуса, который прячет голову в песок, ещё никого не спасла.

Она развернула листок и начала читать. Выражение её лица оставалось спокойным, только руки слегка дрожали. Татьяна покачала головой, отложила листок и уставилась в одну точку. В такой позе и застал её муж, который всегда возвращался с работы позднее её.

– Ну что, будем ужинать? – сказал Сергей Алексеевич, чтобы вывести её из оцепенения. Она кивнула головой, но продолжала сидеть.

– Что случилось?

– Нина возвращается в Россию. Надо встречать.

– Это какая Нина? Горлатых? Надо же! Она поправилась?

– Видимо не совсем. Вот Фёдор пишет, что она хочет умереть в России.

– Ничего себе! Что-то от твоих новостей у меня пропал аппетит. У неё рак, я не ошибаюсь?

– Рак лёгких. Но если она не умерла до сих пор, по-моему, есть шанс. Она же болеет лет семь, первая операция у неё была ещё в Москве, а там, наверное, повторная. Если она приедет, мы всем миром должны её спасти.

– Каким образом? – недоверчиво спросил Сергей,– как был этот рак неизлечим, таким он и остался.

– Всё равно. Надо собрать всех экстрасенсов, подключить тибетскую медицину, скупить в аптеках все травы – вдруг что-нибудь поможет? Нельзя сдаваться.

– А почему у неё рак лёгких? Она что, дымила, как паровоз?

– Нет. Это Ленка Ткаченко дымит, как паровоз. Ты перепутал. Я как-то раз у неё в гостях была, так перед моим визитом она два дня комнату проветривала. Я тут курю, говорит. До чего дошла – курит по -чёрному, сына не стесняется.

– И никакого у неё рака?

– Никакого. И выглядит прекрасно. Так кто сказал, что курить вредно? И если этот самый рак – живое существо, так почему ему нравится табак, а не свежий воздух, например?

– Если этот рак – живое существо, как ты говоришь, то оно, как и некоторые люди, обожает наркотики. Вот и весь сказ! Чем больше наркотического табака, тем больше рака,– объяснил Сергей.

–Наверное, ты прав. Но как страшно всё это! Как обидно, что бессильна медицина…

– Это чёрт знает что! Космические корабли запускаем, луноходы высаживаем, сами в открытый космос выходим, а рак вылечить не можем! В человеческом организме за многие века разобраться не в состоянии!

– Человеческий организм сложнее космического корабля,– уверенно констатировала Татьяна, наконец-то поднимаясь с кресла.

– Сложнее, говоришь? Но даже точные приборы проходят контрольные испытания для выявления скрытых дефектов, почему же человека-то никто не проверяет? Начинают лечить, когда уже поздно.

– Так устроена наша традиционная медицина. Лечим не причину, а следствие. Может быть, я зря не пошла в медицинский? Моя мама очень хотела, чтобы я стала врачом. Я чувствую, что у меня есть способности к медицине,– с сожалением заметила Татьяна.

– Ты бы наверняка изобрела вакцину от рака. Но мы с тобой тогда бы не встретились. Я никогда не собирался в медицинский.

– Но это была бы жертва во имя науки. Меня всегда интересовала медицина как наука, но как подумаю о практической стороне, так хочется бежать. Эти трупы в анатомичке, кровь, гной, вирусы. Нет ,тут надо иметь железные нервы. Однако, хватит об этом. Нина жива, и это уже хорошо. Надо обрадовать общих знакомых, одноклассников.

Кому позвонить в первую очередь? Лариске или Ирке? Пожалуй, Лариске. От Ирки толку нет, одни эмоции. Даже посоветовать толком ничего не сможет. Начнёт охать-ахать, а при встрече с Ниной ещё и ляпнет какую-нибудь бестактность, вроде того: “А мы думали, всё, умерла наша Нина, и как мы без неё?” Нет, надо договориться с Ларисой и сходить к Нине с ней вдвоём, а потом видно будет. Одной Татьяне было почему-то страшно и неловко, ей нужна была поддержка такой практичной женщины, как Лариса. Она подошла к телефону и набрала знакомый номер.

– Лариса? Привет! Узнала?

– Конечно. Рада тебя слышать. Что новенького?

– Через два дня в Москву приезжает Нина Горлатых.

– Да что ты говоришь! – обрадовалась Лариса,– выздоровела?

– Видимо не совсем, но надежда есть.

– Слава богу. А откуда ты узнала?

– Федор депешу прислал. Говорит, она хочет с нами увидеться.

– Соскучилась? Это хорошо. Интересно посмотреть на парижанку. Вот уж не думала, что Фёдор Маховец способен писать письма. Мог бы позвонить.

– Наверное, он не хотел, чтобы она его слышала. Он просит нас быть поделикатнее.

– Так она с ним приедет или с родителями? Они, кажется, там жили?

– С ним. Мать умерла через полгода после её приезда в Париж – от рака, между прочим. Всё-таки эта болезнь наследственная, хотя не все медики это признают. Отец нашёл себе другую, француженку. Эдакую бабулю с пуделем.

– Про пуделя тебе тоже Фёдор написал?

– Нет, это мои домыслы. Я в кино видела французских бабусь.

– Я не пойму. Нина столько лет больна, а Фёдор всё так же её любит, так же предан? Ухаживает, на руках носит?

– Не знаю. Хотя насчет ухаживаний… Сиделки, наверное, были. Она ведь не любит,когда её жалеют.

– Не любит, я помню. Она его даже к себе в больницу не пускала, когда считала, что плохо выглядит. Дурочка… Лично я бы так не смогла.

– Это потому, что ты всегда хорошо выглядишь, Лариса, – напомнила подруге Татьяна, – так, значит, договорились? Когда она приедет, мы её навестим.

Надо будет привести себя в порядок, подумала Татьяна. Постричься, что ли? Или волосы осветлить? Рядом с Ларисой надо соответствовать. Она всегда была красивой. Самой красивой среди симпатичных девчонок в классе. И описывать эту красоту бессмысленно, потому что она была неописуемой. Лариса Гурич не была яркой блондинкой, как современный киноидеал, у неё не было огромных глаз в пол- лица, но ещё ни одна женщина, а тем более ни один мужчина не усомнились в её красоте. Что бы она ни делала, о чём бы она ни думала, она была красива.

Пользовалась она косметикой или нет, прятала свои глаза под большими солнечными очками или открыто смотрела прямо на вас, она была одинаково красива. Никакой дождь, ветер или снег не могли испортить её причёски – волосы лежали всё так же, очаровательной волной. Как это удавалось Ларисе, Татьяна не могла понять.

Ещё в школе, в седьмом классе, она пыталась было ей подражать. Лариса начала так укладывать волосы, что девчонки смотрели на неё с завистью. Таня была до того наивной, что не сообразила: Лариса накручивает волосы на бигуди, но не на мелкие, от которых на голове получается баранья шевелюра, а на крупные. Так Лариса довольно долго обманывала не только подружек, но и учителей.

И вот Таня однажды села перед зеркалом и начала манипулировать со своими волосами, чтобы они лежали, как у Ларисы. Но ничего не получалось. Она их и мочила, и взбивала, и закалывала шпильками, надеясь приучить волосы лечь в нужном направлении… Всё напрасно! Все способы перепробовала, не догадалась только накрутить свои пряди на бигуди. Время было такое: все были скромными, в школе даже не красились, а чтобы курить, как сейчас, об этом вообще не могло быть и речи.

Ларису разоблачила вредная учительница химии. Учительница никогда не была замужем, детей у нее тоже не было, поэтому она посвятила себя воспитанию чужих, беспрестанно заботясь об их нравственности. Сидеть в школе с элегантно уложенными волосами -верх безнравственности, потому что это красиво, мальчики внимание обращают. И не только мальчики…

Однажды на уроке физики учитель – единственный мужчина из всей учительской, не считая директора, – заметил , что сосед с задней парты уж слишком часто обращается к Ларисе со всякими пустяками, не стесняясь даже дёрнуть её за рукав. Заметил и не преминул сделать нахалу замечание.

– Ну и зачем ты её всё время беспокоишь? Разве она виновата, что такая красивая? Ты забыл, где ты находишься? На уроке находишься, работать должен, учителя слушать, а ты что делаешь? К девочке пристаёшь, к себе внимания требуешь. Хотя, если признаться честно, ты её внимания пока что не заслуживаешь. В зеркало смотрелся? То-то же! А в дневник свой часто заглядываешь? Какие там оценки доминируют? Ладно, вслух не буду говорить. Вот сначала оценки исправь, а потом на девочек красивых заглядывайся!

Вот так учитель смутил и ввёл в краску обоих – и Ларису, и её поклонника. Ведь весь класс, слушая речь учителя, смотрел только на них. Таня тоже повернула голову и с новым интересом посмотрела на Ларису. Она, конечно, ничего, но уже не её идеал. Лариса нравилась ей в начальных классах, а к седьмому она уже посмотрела фильмы с участием Анастасии Вертинской. Вот где красота-то!

За это невзлюбила Ларису Гурич высоконравственная “химичка”, хотя Лариса никогда не была легкомысленной двоечницей, а в выпускном классе претендовала даже на медаль. Но золотую не получила – из-за той же пресловутой химии, пришлось довольствоваться серебряной. .Была ли в этом виновата её причёска или нет, теперь уже не имеет значения .Но справедливость восторжествовала довольно скоро, уже в девятом классе. К этому времени девчонки поняли, что к чему, и с косичками ходить не желали. Они тоже научились красиво укладывать волосы и с удовольствием соперничали друг с другом. Но в учительской, видимо, посовещались и решили положить этому конец. И однажды на школьной линейке директор попросил их выйти вперёд. «Посмотрите на этих девочек, на их внешний вид,-обратился он к присутствующим,– разве можно ходить в школу с такими начесами на голове?» Он, видимо по настоянию учителей, хотел их пристыдить и вызвать осуждение со стороны товарищей. Но реакция учеников оказалась неожиданной. Сначала послышались голоса: что такое, очень хорошие, симпатичные девочки, а потом раздались дружные аплодисменты. Педагоги проиграли, а девятиклассницы праздновали победу. И больше всех – Лариса.

Лариса была спокойна и доброжелательна с подругами, особенно с теми, кто не годился ей в соперницы. Собственно, к таким она относила и Таню, которую выбрала в “протеже” и всё время наставляла по всем вопросам. Рассудительная Лариса, казалось, хорошо разбиралась во всём, что касается внешнего облика девушки. Поэтому Тане всегда доставалось, если она была не так причёсана или выбрала не того цвета шарфик, а уж на тему “как понравиться мужчине” подруга могла говорить бесконечно. Лариса считала, что нравится всем, а значит может быть экспертом в этом вопросе. Собственное будущее казалось ей тогда вполне определённым: кому, как не ей, красавице и умнице, мужчины положат к ногам всё, что она ни пожелает. Она ещё не знала, что жизнь иногда вносит свои коррективы, не считаясь ни с чем: ни с красотой, ни с другими несомненными достоинствами.

А пока Лариса была царицей бала: все улыбались ей, на танец приглашали прежде всего её, а потом уж других девочек. Ею восхищались даже школьные “дурнушки”, которым никогда не пришло бы в голову соперничать с ней. Они хотели с ней дружить, делиться сокровенными тайнами, ходить вместе из школы домой. Однажды, когда заболела самая некрасивая, никем не принимаемая всерьёз и порой просто не замечаемая одноклассниками девочка, школьный врач сказал: “Тебя надо проводить домой. У тебя есть подружка?” “Да, – ответила больная,– Лариса Гурич.”

Класс, можно сказать, ахнул. Как? Эта замухрышка набралась наглости, чтобы назвать своей подружкой саму Ларису Гурич? Да как же такое может быть? Лариса дружит не с такими, как эта вот… У Ларисы – свой круг общения, свои друзья, свои интересы, которые никогда не пересекутся с маленьким мирком какой-то невзрачной девчонки. Что же теперь будет? Неужели Лариса пойдёт её провожать? Одноклассники замерли и выжидательно уставились на неё. А Лариса ничему не удивилась. Не замечая повышенного интереса к себе, она встала, подошла к выбравшей её из всех больной девочке и взяла её за руку. С этой минуты она, как и Таня, стала её “протеже”.

И только одна девочка в классе не могла претендовать на почётное звание подопечной Ларисы. Только одна стояла с ней на одной ступени социальной лестницы. Только она могла соперничать и одновременно дружить с первой красавицей, не чувствуя собственного унижения. Только она – Нина Горлатых. Лариса и Нина были очень разные, просто два полюса, как Элен и Наташа Ростова в романе Толстого “Война и мир”. Наверное,это и притягивало их друг к другу, потом отталкивало, но месяцы полного отчуждения неизменно заканчивались внезапно наступившей оттепелью. Заслуга в этом больше принадлежала Нине – она была более эмоциональной, более темпераментной и более общительной, чем Лариса.

Герой их романа, один на двоих, определился к девятому классу. Это был высокий и красивый Станислав Финк – секретарь школьного комитета комсомола, руководитель школьного вокально-инструментального ансамбля и любимец всех девушек. Его карие бархатные глаза, сросшиеся у переносицы брови и обворожительная улыбка покоряли девчонок сразу. Что делалось с девчонками в зале, когда он пел на школьной сцене – об этом даже излишне говорить. Но всё началось с того, что на одном из школьных вечеров сердцеед вдруг заметил Ларису и пригласил её потанцевать. Сердце красавицы дрогнуло, но виду она не подала и улыбнулась ему дежурной улыбкой.

Знакомство, однако, состоялось. Он проводил её до дома и выразил надежду на дальнейшие встречи. Лариса уклончиво ответила: ”Посмотрим”. Сдержанность девушки задела первого парня, не привыкшего к отказам, и удвоила интерес к ней. Так завязался роман, довольно бурный со стороны Станислава и тщательно скрываемый со стороны Ларисы.

–Она совсем потеряла голову,– поделилась с Таней проницательная Нина,– думает только о нём. Ей и в голову не придёт, что она у него – одна из многих…

–А если это любовь! – возразила Таня.

– Как же, любовь! Такие любят только себя. К тому же, он уже в последнем классе, скоро уйдет из школы. Вот увидишь – роман на этом закончится, а нам придется отпаивать её валерьянкой.

– Да что ты, она такая красивая, другого найдет, – предположила Таня.

– Красота – страшная сила. Но попробуй найди вот такого же…

Роман Ларисы со Стасом, как она его называла, продолжался, что вызывало всё больший интерес Нины. А однажды произошел случай, который помог ей сблизиться с кавалером подруги. Тёплым весенним днём во время перемены они втроём – Нина с Ларисой и Таня – вышли на улицу подышать воздухом. Тут к ним и подошёл Стас, улыбнулся, вежливо поздоровался.

– Я хочу с вами посоветоваться, девочки,– сказал он,– наш ВИА готовит новую программу к выпускному вечеру. Может быть, пойдёте к нам солистками?

– Шутите?– спросила Татьяна.

– У нас голоса нет, не приставай, – строго сказала Лариса.

– А при чём здесь голос? – кокетливо возразил Станислав Финк, – главное – внешность. По внешности вы проходите, остальное сделает аппаратура.

– Я согласна! – заявила Нина, у которой был слабенький, что называется “домашний”, но вполне приятный голос.

– Приятно слышать. Значит, жду вас сегодня вечером на репетицию, – и Финк, галантно откланявшись и по-особому посмотрев на Ларису, удалился.

– Ты что, с ума сошла, подруга? – недовольно спросила Лариса.

– Почему сошла? Я всегда была сумасшедшей. Хочу попробовать себя в новом качестве, – и Нина мечтательно подняла глаза к небу.

– Ну, дерзай, – милостливо разрешила Татьяна, внимательно наблюдая за развитием сюжета.

Нина, явившись, как обещала, на репетицию в специально отведённую для этого комнату на первом этаже школы, тут же потребовала подключить микрофон. Она выбрала себе модную в те годы песню про несчастную любовь и запела, обращаясь исключительно к руководителю ансамбля:

Ты стоишь у окна –
Небосвод высок и светел,
Ты стоишь и молчишь,
И не видишь ничего,
Потому что опять
Он прошел и не заметил,
Как ты любишь его,
Как тоскуешь без него.

Неизвестно, что тут сыграло главную роль – голосок ли Нины, артистизм её или томный взгляд, направленный на Стаса, но он принял решение с Ниной поработать и в программу выступления ансамбля её включить.

–Вот только песня какая-то заунывная, – сказал он, – может быть, найдём что-нибудь повеселее?

– Повеселее – не мой стиль, – возразила Нина, – да и возраст у нас такой – у всех несчастная любовь. Я думаю, такая песня будет лучше восприниматься.

– Да? – удивился Стас, – а вы оригинальная девушка, не ожидал.

– А что вы ожидали? – спросила Нина, положив ногу на ногу и откинувшись назад на стуле.

– От вас, женщин, никогда не знаешь, что ожидать, – нашёлся Стас, скользнув взглядом по стройным ножкам.

– Это вы по Ларисе судите?

– Почему по Ларисе? Не только.

“Что и требовалось доказать”,– подумала Нина и ушла домой, довольная собой. Поздним вечером она позвонила Тане.

– Можешь поздравить меня с победой, – радостно сообщила она, – я теперь солистка ансамбля. Я думаю, у меня будет успех.

– Не сомневаюсь. С таким-то руководителем…

– А что? Он не так примитивен, как я думала. В нём что-то есть. Как я понимаю Ларису!

– А себя-то ты понимаешь? Зачем ты туда полезла? В консерваторию готовишься?

– Вот в консерваторию меня точно не возьмут. Но тут я могу покрасоваться – как говорится, приятное с полезным, – сказала Нина и сдержала слово.

Отношения между Стасом и Ниной становились всё теплее, взаимопонимание росло. И когда Таня с Ларисой пришли на генеральную репетицию ансамбля, чтобы оценить новую солистку, они почувствовали себя бедными родственницами на чужом празднике жизни.

– И вот вам результат, – подвела итог Лариса, – эта вертихвостка везде пролезет. Но если она думает, что я буду за него бороться, то ошибается. Дарю!

Лариса не стала устраивать Станиславу сцен ревности – зачем? Она просто перестала приходить на свидания. Пила она в это время валерьянку или нет, Таня не знала. Но держалась она прекрасно.

– Теперь ты совсем голову потеряла? – спросила как-то Таня у Нины.

– Потеряла? – удивилась Нина, – да у меня её никогда не было. А что, Лариса очень огорчена, плачет?

–Да нет, не очень. Похоже, она его тебе подарила.

– Щедрый, однако , подарок. Ценю. Она же чувствует, что у неё шансов нет. Ну красивая… И что? Где та изюминка, которая делает женщину обворожительной? Где тот огонь, мерцающий в сосуде?

– “А если так, то что есть красота и почему её обожествляют люди…” – ты это хотела сказать? – вспомнила Таня известное стихотворение Н.Заболоцкого.

– Именно! Как хорошо, что ты меня понимаешь с полуслова! Мы с ним давно перешли на “ты”. Он мой!

– Ну и ну!

И всё бы хорошо, но как-то очень быстро, можно сказать, незаметно наступило лето. Вот и тот роковой выпускной бал – последний бал школьника Станислава Финка. Перед отъездом в Рязань, где он собирался поступать в летное училище, он зашёл к Ларисе прощаться.

– Зачем пришёл? – удивилась Лариса.

– Я уезжаю, но надеюсь, что мы ещё встретимся. Ты меня дождись.

– Это приказ? Так вот: ты мне не начальник, а я – не подчинённая.

– Я знаю, но всё равно надеюсь. Мы с тобой должны пожениться. Я без тебя не могу жить.

– Неужели? По-моему, прекрасно обходишься. Или Нина тебя выгнала?

– Нет. Нина тут ни при чём. Мы дружили по необходимости, готовили концерт. Я её не люблю.

– Какой же ты ветреный! Я тебе не верю.

– Вот закончишь школу, и поженимся.

– Это мы ещё посмотрим!

Финк поступил в лётное училище, потому что и отец его, и дед были лётчиками. Дед погиб во время войны, а отец до сих пор работал в гражданской авиации. Такой выбор ещё

больше поднял Станислава в глазах женщин: значит, он не трус, не лентяй. Настоящий мужчина! И Лариса его простила. Нина же не поверила в такой исход дела.

– Ты посмотри, что делается, – говорила она Тане, – как только он решил стать лётчиком, тут же наладил с ней отношения. У неё же отец генерал, он может быть полезен.

– Какой отец? Он с ними не живёт лет пятнадцать! Да и не лётчик он…

– Не живёт, но дочку балует, наряды и духи ей покупает. А то, что он не лётчик, не имеет значения – у них там , у военных ,круговая порука.

–Фантазёрка ты. У тебя, например, отец дипломат, за границей бывает. Почему он тебя не использует в корыстных целях?

– А я за него замуж не собиралась и не рассказывала, кто у меня отец, – поставила точку Нина.

Прошёл год. Любовные отношения и разговоры о них отошли для девочек на задний план, потому что надо было готовиться к выпускным экзаменам и определяться в жизни – поступать в институт. Нина поступила в университет на журналистику, Таня – в авиационный институт, а Лариса, несмотря на нелюбовь к химии, почему-то выбрала медицинский. В августе собрались все вместе, чтобы отметить новую эпоху в жизни. Присутствовал и Станислав Финк.

Лариса, помня прошлогоднее обещание кавалера, собралась было замуж. Она с удовольствием обсуждала эту тему с подругами, присматривала в магазинах, в те годы почти пустых, платье и туфли, но Финк разочаровал её.

– Я, Лариса, годик подожду жениться. Не готов. Ну куда я тебя приведу? В убогое общежитие? Для такой, как ты, нужен дворец.

Лариса смирилась. Ожидание растянулось на долгих четыре года, но Станислав по-прежнему клялся в любви и не отказывался на ней жениться, хотя поговаривали, что у него в Рязани есть любовница. Лариса ждала – другие поклонники, которые вились вокруг неё роем, казались ей неинтересными.

И вот счастливый день настал. Новоиспечённый лётчик сделал ей предложение. Лариса заплакала и долго не могла успокоиться. Слишком затянулось ожидание, и нервное напряжение потребовало разрядки.

– Что с тобой? Вот не ожидал! Я ей царский подарок приготовил, а она плачет!

Лариса улыбнулась сквозь слёзы и внимательно посмотрела на Стаса.

– Однокомнатная квартира в Москве устраивает? Родители построили для меня кооперативное жильё – в районе чистом и зеленом, между прочим.

– Это прекрасно! Как хорошо будет там гулять с детьми! – оживилась Лариса.

– Ну дети-то нам не к спеху, я так полагаю… Ты же медик, что-нибудь придумаешь. Сейчас неотложного решения требует другой вопрос. Может, поговоришь с папой, чтобы меня оставили в Москве? Отправят, чего доброго, на северный полюс пингвинов пугать.

– Ладно, поговорю. Не пропадать же квартире.

И шикарная свадьба состоялась. Началась счастливая семейная жизнь в зеленом районе. Лариса ещё училась в своём медицинском, а Станислав на свою зарплату вполне обеспечивал семью. Детей у них не было лет пять или шесть, но потом Лариса всё же решилась завести ребёнка. Муж отнёсся к этому весьма скептически, а потом с неодобрением смотрел на растущий живот жены. Опять поползли слухи, что Станислав находит утешение в другом месте. Лариса не хотела верить намёкам и сплетням, но заметное охлаждение мужа не ускользнуло от её внимания. Шаткое семейное положение усугубилось тем, что Лариса родила не мальчика, а девочку. Для Стаса наступило полное разочарование, апатия, приведшая к полному безучастию в семейных делах. Он даже не заметил, что Лариса после родов стала ещё красивее.

Вездесущая Нина и тут не осталась безучастной. Она решила собственноручно наладить подруге личную жизнь. Подкараулив красавчика, она устроила ему взбучку, чем привела Стаса

в весёлое расположение духа. Он обнял её и игриво заметил, что очень рад встрече со старой знакомой.

– Может быть, зайдём в кафе, поговорим? – сказал он ей.

– Да ты, похоже, только оттуда. Я с таким помятым мужчиной никуда не пойду, – парировала Нина.

– Ну что вы все от меня хотите, – удивлялся Стас, – чтобы я пелёнки стирал? Я похож на прачку? Что плохого в том, что человеку хочется отдохнуть и немного выпить? Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Слышала такое мнение?

– Ничего в тебе не осталось от прежнего Станислава Финка. Слышишь? Ни-че-го!

– Как это ничего? А я сам?

– Это уже не ты, и тут, видимо, ничего не поделаешь.

Не добившись толку от мужа, Нина пошла воспитывать жену.

– Ты зачем с ним живёшь? Ты чего перед ним унижаешься? – втолковывала она подруге.

– Он мой муж, – неизменно отвечала Лариса.

– Вот потому он так себя и ведёт. Сама виновата.

Лариса не поддержала предложенную ей тему для обсуждения, и Нина ушла.

Она, Нина Горлатых, ни перед кем не собиралась унижаться. Со своим первым мужем она уже разошлась и жила в ожидании новой любви. А пока её не было, она опекала свою неудачливую, как она считала, подругу. В конце концов, Лариса её послушалась. После того, как Стас, ударившись в очередной загул, не ночевал дома три дня, она взяла за руку дочку и ушла к маме. Но ненадолго. Мама выразила недовольство возвращением дочери.

– И куда ты пришла? Где здесь жить – всего две комнаты? А я собираюсь замуж, – заявила её молодящаяся и ещё красивая мама, – я тебе говорила, что от этого Финка толку не будет. Не послушалась? Пеняй на себя.

– Я скоро уйду, не волнуйся, мама, – сказала Лариса, и через неделю выполнила своё обещание, вернувшись к мужу.

Станислав тогда ещё летал и зарабатывал неплохие деньги. Она ещё не знала, что и лётной его карьере скоро наступит конец. После бурной жизни начнёт пошаливать сердце, и врачи запретят ему летать. В новом деле он себя не проявит и сопьётся окончательно. А однажды утром, возвратившись домой после дежурства в больнице, Лариса найдёт его мёртвым и горько заплачет не только над трупом мужа, но и над своей неудавшейся жизнью.

Вот этой самой Ларисе позвонила Таня, когда собиралась навестить больную Нину. Они подошли к знакомому большому дому, позвонили в дверь, и им открыла Нина: похудевшая, седая, но та же самая Нина. Подруги, разлучённые временем, непониманием, обстоятельствами и болезнями, снова были вместе.

3.Одноклассницы

Татьяна стояла перед зеркалом и надевала серёжки в уши – они должны были гармонировать как с цветом её глаз, так и с недавно купленным костюмчиком.

– Куда это ты собралась? – спросил сын, хитро поглядывая на эти самые серёжки. – Нарядилась…

– С одноклассницами надо встретиться, – ответила мама Таня, – Нина из-за границы приехала.

–Опять? Ты же уже ходила.

– Мы с Ларисой ходили к ней предварительно, а теперь более широкий круг собирается, несколько девочек.

– Девочек? Ну, рассмешила. Они же уже бабушки!

– Это для внуков – у кого они есть – мы бабушки. А друг для друга всё те же девочки, как много лет назад.

– Да… Можно подумать, ты только вчера закончила школу. Но видно, что эта встреча для тебя много значит, если ты нарядилась, как финиковая пальма.

– При чём тут пальма?

– У тебя же есть подруга по фамилии Финик. Так вот, ты нарядилась, как она.

– Лариса? Финк её фамилия, а не Финик.

–Какая разница? Я и говорю: Финик. Сегодня ты явно под неё косишь.

– Ни под кого я не кошу, – рассердилась Таня.

– Не знаю, не знаю… Я видел её несколько раз в жизни, и всегда она была разнаряжена в пух и прах. Вот дочка у неё гораздо скромнее и симпатичнее. Помнишь, вы меня на ней женить собирались?

– Помню, помню. Лучше бы мы с тобой не связывались.

– Как бишь её зовут? – Андрей глубоко задумался, на лбу появились морщины. Но вскоре лицо его прояснилось. – Вспомнил! Настя, вот как. Разве можно жениться на девушке с таким именем?

– Обычное имя. И чем же оно тебя не устроило? – удивилась Таня.

– Это же метла!

– ?

– Ну, как же ты не понимаешь? Вот слушай: Насти – мести. Слова одного звучания.

Таня посмеялась, но решила, что с Настей у Андрея ничего не вышло отнюдь не из-за имени. Несколько лет назад они с Ларисой организовали встречу одноклассников в ресторане и специально пригласили детей, чтобы познакомить их. Андрей, разумеется, не хотел идти, но Таня повесила на него миссию по фотографированию компании, и он со скрипом согласился. Андрея посадили рядом с Настей, и он добросовестно ухаживал за ней за столом, предлагал различные кушанья и напитки. Но девушка излишне смущалась, была очень скованной и абсолютно безучастной. За весь вечер она не произнесла ни слова, только кивала головой, ничего не ела и не пила, ни разу даже не улыбнулась, чем немало удивила соседа. Тем не менее, нельзя было сказать, что Андрей ей не понравился – устремлённые на него восторженные глаза всё-таки выдавали её. Так почему же она так себя вела? Такая скромная от природы?

Таня не раз слышала мнение: парни в наше время не любят скромных девушек. Им нравятся разбитные, ярко накрашенные, весёлые и разговорчивые. Вполне возможно, что это правда. Только при чём тут скромность? Не скромных девушек они не любят, а скучных. Скука – вот причина их равнодушия.

Ничего нескромного не было бы в том, если та же Настя сказала бы :“Может быть нам, Андрей, сбежать с этого мероприятия – пусть родители веселятся без нас – и прогуляться по

ночной Москве?" Скорее всего, Андрей не отказался бы, и кто знает, чем могла закончиться эта прогулка. У девушки был шанс показать себя, свой ум, свой менталитет, своё очарование, наконец. Но она этим шансом не воспользовалась.

Есть такие странные девушки, которые настолько доверяются судьбе, что сидят и ждут принца, ничего при этом не предпринимая, порой даже не выходя из дома. А если принц не является, то виновата опять же она – судьба. И как же принц должен догадаться, что эта замкнутая девушка и есть его принцесса? По домам ему ходить, что ли, как тот, с хрустальной туфелькой?

Ларису очень беспокоила судьба дочери, она пыталась повлиять на неё, воспитывала, приводила примеры из жизни, но всё было напрасно. Настя, которая по маминым стопам закончила медицинский институт, по-прежнему ни с кем не встречалась и проводила всё свободное время дома с книгой. Она явно решила остаться старой девой, потому что была, несмотря на свою образованность, скучна для собеседника. Вот поэтому у Андрея и не возникло желания познакомиться с ней поближе, а отнюдь не из-за имени.

– А какие женские имена ты предпочитаешь? – спросила Татьяна сына.

– Например, Лена или Марина. Первое ассоциируется с Еленой Прекрасной, а второе – с морским прибоем. Но ни с одной не свела судьба. Вот встретил недавно девушку – Яной зовут. Но и с ней случился конфуз. Я ей говорю: Яна – это уменьшительное от Обезьяны? Яна – Обезьяна. А она обиделась. Говорит, я её обезьяной назвал. Почему? Я ведь просто пошутил.

– Я не знаю, что с тобой делать. Зачем ты так шутишь? Шутка не должна никого обижать. Да и вообще, без конца шутить – дурной тон. Лично я никогда не любила балаболок. И сейчас не люблю. Мне нравятся мужчины посерьёзнее.

_ Ого! Ай да мама! Это тебе в твоём возрасте "за пятьдесят" ещё мужчины нравятся? Поздравляю!

Татьяна уже пожалела, что выразилась не совсем точно, а поэтому дала сыну повод подумать не то, что она, собственно, хотела сказать. Молодёжь всё понимает так прямолинейно! Ведь если сказано, что серьёзные нравятся больше, чем весельчаки, то это вовсе не значит, что она безумно любит мужчин, только о них и думает, да ещё мечтает о тайном свидании. Конечно, за свою долгую жизнь она встречала вполне достойных мужчин и кроме мужа, про них она вполне могла бы сказать "нравится", но и только. Никакая преступная страсть её не посетила, и Татьяну это вполне устраивает. Но что об этом сказать Андрею? Пожалуй, нечего. Пусть думает, что хочет. И она предпочла отмолчаться.

Татьяна быстро оделась и вышла на улицу. У метро она договорилась встретиться с Ириной Витушкиной, чтобы вместе что-нибудь купить и помочь Нине накрыть на стол. Она немного запаздывала и была уверена, что одноклассница уже ждёт её. Однако у метро никого не было, только вокруг киоска катался какой-то шар. Издали Тане и в голову не могло прийти, что этот шар может быть человеком. Неужели Ирина не пришла? Однако "шар", чья зелёная куртка сливалась с ещё не опавшей листвой, поспешил к ней навстречу. Ира?

– Привет! – весело отрапортовала Витушкина. – Я уже думала, что ты не придёшь!

Вот тебе на! Конечно, Иру она не видела давно, лет пять – разговоры по телефону не в счёт – но такой разительной перемены не ожидала. Что же она так растолстела-то?

– Привет! Я тебя не узнала, – сказала Таня, разглядев наконец-то в очень полной и далеко не молодой женщине свою одноклассницу.

Слушая милую болтовню Ирины, Татьяна, однако, признала, что одноклассница ещё не лишилась своего обаяния. Она по-прежнему была миловидной и экстравагантной. Круглое лицо, нос курносый и немного широковатый, глаза – самая очаровательная деталь её облика – были большими и блестящими. Именно они придавали лицу привлекательное и немного наивное выражение. И когда Валерий Ободзинский пел свою знаменитую песню "Эти глаза напро-

тив", то все, знавшие Ирину, не сомневались, что эта песня – про неё. Все эпитеты: и чайного цвета, и "калейдоскоп огней" относились именно к её глазам.

Ирина носила крупные серьги и мелкие кудряшки, короткие юбки и длинные блузы. Со своей неидеальной фигурой она втискивалась в обтягивающие брюки-стрейч , потому что никогда не комплексовала насчет своей внешности. Ира и за словом в карман никогда не полезла бы, потому что особо не задумывалась, что можно сказать в данной ситуации, а что нет.

– Что с неё возьмёшь? – бросила как-то Лариса, – она же девушка из народа, в приличном обществе-то никогда не бывала. Да её туда и не пригласят…Она и в нашу элитную школу случайно попала- любовник матери пристроил.

Ирина, в своё время не удосужившись закончить даже техникум, всю жизнь работала на заводе контролёром. Она не считала себя обиженной судьбой. Напротив, она выделялась среди заводской публики, привлекала к себе внимание, а потому имела основание воображать из себя даму особенную. В компании с ней было весело: она всё время болтала какие-нибудь глупости. Так, ещё в школе, она сказала Ларисе: "За Финка замуж собираешься? Ну, ну… Ты девушка худенькая, того и гляди, умрёшь от родов. Но ты не волнуйся: я ребёнка выращу, потому что после твоей смерти сама за Стаса замуж выйду".

Ну что после этого скажешь? Шутит девушка, публику смешит. Хотя и не совсем прилично. Татьяне она тоже всякие бестактности говорит, особенно при муже. То на какую-то старую любовь намекает, то на тайное свидание. У Тани ни того, ни другого в помине нет, но Ирине интересно, а что же её муж по этому поводу подумает. Сергей про неё и подумал: дура. И в дискуссии с ней вступать не стал, потому что всем давно известно, что ответ дуракам – молчание. Иначе сам в дурака превратишься.

Вот такая она, Ирина. И судьба ей досталась под стать. В последнем классе школы завела она роман с пожилым женатым мужчиной, который тщательно скрывала от подруг. Но Татьяна с Ларисой и Ниной поехали как-то на трамвае на рынок, и из окна увидели: Ирина с кем-то под руку чинно выхаживает по проспекту. Девчонки выскочили из трамвая и, хохоча, помчались вдогонку. Интересно же! Обогнали парочку и вышли из-за деревьев навстречу – будто бы случайно. Ирина смутилась, покраснела, а девчонки на кавалера смотрят и ужасаются: совсем лысый, старый, некрасивый. Зачем он ей понадобился, такой? Помоложе найти не могла, чтобы был с волосами? А через пару месяцев смотрят: что-то Ира поправляться стала, школьный фартук на ней не застёгивается. Неужели?..

Но на носу выпускной бал, не до Ирины. Со школой надо прощаться, профессию выбирать. Девчонки, оттанцевав на балу, побежали документы в институт подавать. Но Ирине не до института, у неё свадьба. Лысый и женатый, оказывается, с женой давно не живёт, на Ирине жениться собрался: ребёнка она ждёт. Выдали Ирину замуж, поздравили с рождением дочери, а она через пару лет, бросив и мужа, и дочь, с любовником в Крым сбежала. Уже не с лысым, а с молодым, красивым. Очень Ира после родов расцвела, прямо загляденье стала. Как тут не сбежишь?

Крымская жизнь тоже скоро закончилась. Вернулась Ира домой, муж её простил, дочка мамой назвала. Жила она в семейной идиллии ещё года два, потом мужа выгнала: не нужен ей старый, она себе молодого найдёт. Фотографии свадебные, где с лысым расписывалась, все уничтожила и действительно по всем правилам вышла замуж за разведённого, но на вид вполне приличного мужчину. Жила с ним в согласии лет пять, пока соседи не услышали грохот на лестничной площадке: это Ирина разводилась с очередным мужем и выбрасывала его вещи на лестницу. Больше замуж она не выходила, предпочитала любовников, про которых с удовольствием рассказывала одноклассницам всякие небылицы.

– У тебя и правда нет любовников? – спрашивала она Таню. – Как скучно ты живёшь! Надо глазками-то по сторонам стрелять!

– Зачем?

– Зачем, зачем… Ты женщина или нет? Небось, и ванную с шампанским никогда не принимала?

– Нет, не принимала. Я не настолько романтична, чтобы в эту холодную воду лезть.

– А я принимала, и не жалею об этом. Лежишь, как в раю, балдеешь, вокруг всё пенится, а запах…

– …как в пивнушке.

– Ну, это ты зря. Завидуешь, наверное. От мужа такого не дождёшься, а мне любовники ни в чём не отказывают.

– Рада за тебя.

Именно Ирину очень хотела увидеть Нина после долгой разлуки. Ей было интересно всё: какой теперь стала Ирина, и с кем она живёт, и что говорит. И что врёт – тоже, потому что Ирина иногда очень увлекалась в своих правдивых рассказах, и тогда сама не различала, где правда, а где ложь. Она была тем клоуном, слушать которого всем нравится, но никто не хочет быть на него похожим.

Встретившись с Татьяной у метро, Ирина была в своём репертуаре.

– Слушай, а Нина- то с Фёдором живёт? Давно хочу с ним познакомиться. Может и отобью. А что? Если она умрёт, я тут как тут. Не одному же ему куковать. Помогу пережить горе, приласкаю, обогрею… Она же, стерва, отбила у меня кавалера в девятом классе. Помнишь, был такой кудрявый, симпатичный – забыла, как его звали…

– Ты ещё первый класс вспомни. И как ты можешь, она же болеет…

– В том, что она болеет, ведь не мы виноваты, правда? Заболеть может каждый, на то есть божья воля. Разве не так?

– Только ты ей этого не говори, с тебя станется. Веди себя прилично.

– А я что? Могу вообще не разговаривать.

Ирина обиделась и действительно замолчала. А Татьяна думала о том, что с удовольствием идёт на эту встречу с одноклассницами, на этот девичник, где все они молоды, как в школе. Да и что такое возраст, что, собственно, меняется с годами? Почти ничего.

Нина встретила подруг бурно, не скрывая своей радости, а Ирине буквально бросилась на шею. Ира ответила тем же.

– Я уж думала, не встретимся, – начала она было, но Таня больно сжала ей руку, и она продолжила вполне прилично, – но гора с горой не сходится, а человек с человеком – всегда.

– Да! Сколько лет, сколько зим, – радостно отозвалась Нина, – как живёшь, Ириша?

– Живу. Все дела в молодости переделала, теперь осталась одна, без мужа. Но довольна. Придёшь домой – одна. Телевизор смотришь – одна. Спать ложишься опять одна. Никто не мешает. Отдыхаю.

– Да ну тебя! – засмеялась Нина. – Ты одна-то бываешь не долго, знаю я тебя. Дочка замужем?

– Давно. Внуку уже десять лет. А где твой Фёдор?

– На съемках в Петербурге. Не может же он сидеть без работы.

– Значит, с экрана не сходит, и мы его скоро увидим?

– Увидите, увидите, на то он и артист, – и Нина поспешила перевести разговор на другое, – как нам хорошо вместе, девчонки! Ни с кем мне не было так хорошо.

– И правда, – поддержала Ирина, – вот смотрю я на вас и вижу: а мы ведь совсем не изменились, хотя много лет прошло.

Подруги улыбнулись, глядя на её расплывшуюся фигуру, но спорить не стали.

– Да, мы всё те же, только обогащённые жизненным опытом, – сказала Лариса, – а “День охотника “помните? Объявляется “День охотника” – это значит, надо где-нибудь собраться вместе, охота выпить…

– Нажарим картошки, купим одну бутылку “Фруктовки” на всех… Тогда ведь пьяниц не было, не то что сегодняшняя молодёжь – уже в школе алкоголики, – заметила Ирина.

– А помните, как мы приспособились переписываться на уроках, когда дело не терпит отлагательств? Передавали друг другу не записки – их учителя могли перехватить – а тетрадку. Ну кто из педагогов будет возражать, если один ученик другому передаст тетрадь? Открываешь тетрадь, а там, к примеру, написано: объявляется “День охотника”, – поделилась воспоминаниями Татьяна, потому что информационная тетрадка была её изобретением.

Она хотела что-то ещё сказать, но её прервал дружный смех, потому что удержаться от него было невозможно. Великовозрастные девочки выпили немного вина, раскраснелись и смеялись от души.

– Ты помнишь, что сказала мне в десятом классе? “Ты, Лариса, умрёшь от родов, а я за Финка замуж выйду”, – напомнила Ирине Лариса.

– Что-то припоминаю, – ответила она, – а я что же, Финка с ребёнком взять соглашалась? Какая я раньше хорошая была. Зачем мне ребёнок-то? С одним Станиславом было бы мучений достаточно, а тут ещё ребёнок. Нет, я от своих слов отказываюсь, ничего такого не было. Хотя Станислав в своё время был очень хорошим…

– Да, я тоже на него глаз положила, – вступила в разговор Нина, – но Лариса Гурич встала на моём пути, как скала.

– Не вставала я ни на чьём пути, – скромно заметила Лариса, – меня он любил, на мне и женился.

– Что-то его любви ненадолго хватило, – вставила Ирина, а потом, как всегда с опозданием, спохватилась,– ах, извини, мне очень жаль, что он умер. Мы его сегодня помянем. Я хотела сказать, что жизнь всё-таки жестокая штука, никогда своё будущее не угадаешь. Допустим, не её бы Финк любил, а меня… И что бы из этого вышло?

– Размечталась. Ничего бы не вышло, – сказала Татьяна, – за мужиков цепляться да ещё отбивать их друг у друга не стоит. Наоборот, их надо активно уступать друг другу: пусть берут и мучаются.

– Что-то ты своего мужа никому не уступаешь, – ехидно заметила Лариса.

– Спросу, наверное, не было. А так… Берите, красавицы, если кто из вас ему понравится – уступлю.

Собеседницы опять посмеялись и начали готовить чай. Когда на стол поставили большой торт, Ирина ахнула.

– Вот тут мне точно не устоять, – призналась она, – торт я могу сравнить разве что с мужчиной – такой же сладкий и притягательный.

– Ты так любишь мужчин? – изумились приятельницы.

– Обожаю. Без них никакой жизни.

– А что за фигурой не следишь? Им такие толстые не нравятся.

– С чего это вы взяли? Мужчины всегда любили полных женщин – есть за что подержаться. А вот моей дочери моя фигура точно не нравится. Она говорит: когда я на тебя смотрю, мне есть не хочется, всякий аппетит пропадает. На себя бы посмотрела! Да у меня фигура-то лучше, чем у неё… Ну что уставились? В её возрасте я была красивее, чем она. Вы её отца видели?

– А как же! Специально подглядывали. Но отца ты сама для неё выбрала.

– Нет, не помню. Это была не я.

– Не расстраивайся, Ира, ты и сейчас красивее многих, – успокоила её Татьяна, – давай у Люси спросим, как ей удалось похудеть. Люся, есть секрет? Давай выкладывай.

Пятая собеседница, которую назвали Люсей, вообще-то была Дусей. Родители нарекли её старинным русским именем Евдокия – точно так же звали покойную бабушку Тани. Но если среди бабушек, родившихся в начале двадцатого века или даже в конце девятнадцатого,

это имя было достаточно распространено, то для Таниных ровесниц, названных впоследствии поколением шестидесятников, оно было уже не актуально.

Дуся очень стеснялась своего имени, как будто была Матрёной или Фёклой. Хотя и эти имена в своё время никого не удивляли. Чем-то вроде Матрёны во времена Пушкина было имя Татьяна – оно считалось простонародным, потому что не имело иностранных аналогов вроде Элен, Ирэн и Натали. Но великий поэт сумел доказать нам, что Татьяна – одно из самых красивых женских имён. А ведь Евдокия, если разобраться, не хуже. Почему же так стесняется Дуся, когда приходится называть своё настоящее имя?

Понять её, конечно, можно. Таня в молодости тоже не обрадовалась бы, если бы её так назвали. В молодости надо быть, как все. Но есть женщина, прекрасная актриса, красавица и Танин идеал – Анастасия Вертинская – которая никогда не стеснялась своего не модного в те годы имени. Её назвали Настей, когда никого так не называли, когда это имя было забыто так же, как Евдокия. Уж у неё-то была возможность сменить своё имя на любое другое, но она не стала этого делать. Её так назвал отец, знаменитый артист, и она носила его, не завидуя модным именам. И дождалась-таки, что оно вошло в моду в наши дни.

Но одноклассница Дуся, дожив до зрелых лет, по-прежнему не хотела ничего слышать, и имени своего продолжала стыдиться. Она ещё в школе приучила всех называть себя Люсей – можно подумать, что Люся звучит лучше.

Евдокия, она же Люся, действительно сбросила килограммов пятнадцать веса, который начала было стремительно набирать. Вопреки прогнозам – некоторые считают, что при похудении на лице образуется больше морщин – постаревшей её назвать было нельзя. Гладкое и свежее лицо радовало глаз.

– Последние два года я увлеклась народной медициной, – ответила Люся.

– Ты что, йога?

– Не совсем, но стараюсь. Я знаю молитвы, заклинания, пью настои трав. Нужно очистить организм, потому что лишний вес – это шлаки.

– Вот уж не верю, – скептически скривила губы Ирина, – я всю жизнь на диете, а что толку? Один раз недели две только свёклу ела. И что же? Похудела на четыреста граммов. Это из-за четырёхсот граммов мучиться?

– У тебя нарушен обмен веществ, – объяснила Лариса, – надо лечиться у эндокринолога.

– Да, врачи говорят, что у меня диатез.

– Какой диатез? В твоём возрасте это уже диабет. Ты кровь на сахар сдавала?

– Наверное, сахарный диабет развивается, – согласилась Ирина, – я уже сахар есть перестала, только конфеты иногда и торт себе позволяю.

– Несерьёзная ты, Ирина, – сделала вывод Люся, – за собой надо следить и тортами не увлекаться. Я , когда собой вплотную занялась, от всех болезней избавилась. У меня давление было высокое, щитовидка… Сейчас всё в норме. Даже муж не верит.

– Я потом тебе позвоню, Люся, – сказала Нина, – может, и меня вылечишь?

– А разве тебя не вылечили?

– Я думаю, не до конца, хотя лечили очень хорошо, применяли новые методы по блокированию раковых клеток. Я недавно читала, что наши учёные будто бы изобрели новый препарат от рака, который готовится из крови, получаемой после родов и абортов. Так за границей подобный препарат давно применяют.

– Значит, тебе повезло. Но заняться собой всё равно не мешает. Ты должна мобилизоваться на выздоровление и ни о чём другом не думать. Иногда бывает достаточно усилия воли, чтобы болезнь отступила.

– Чудеса бывают, но редко, – возразила Лариса, – надо сначала пройти курс лечения, как положено, а потом уже развлекаться с силой воли и травами, – авторитетно заявила врач Лариса Финк.

– Я прошла все возможные курсы, – тихо сказала Нина, – а теперь стараюсь мобилизоваться на полное выздоровление. И ни о чём другом не думаю.

– Да? – недоверчиво спросила Ирина, – кто тебе поверит, что ты о Федьке не думаешь? Небось, спишь и видишь, как он там на съемках другую обнимает.

– Ирина, ну что ты говоришь, – начала было Татьяна, но Нина её перебила.

– Я уже давно со всем смирилась, – сказала она, – меня теперь устраивает его жалость, о которой я раньше слышать не могла, его забота: он находит мне врачей, оплачивает их услуги. Он помогает мне держаться на плаву. А уж кого он там обнимает – это такая мелочь по сравнению с вечностью.

Женщины примолкли, слушая Нину, которая уже заглянула за ту черту, где даже любовь становится мелочью, суетой, которая мало влияет на исход событий. Как ей, Нине , помочь? Вот Лариса – врач, а ведь ничего путного посоветовать тоже не может.

– Ну, если так, – разрядила обстановку Ирина, – то я его тоже при случае обниму. Не возражаешь?

– И где тебе такой случай представится? На заводе встречу со зрителями ему организуешь? – поинтересовалась Лариса.

– Если уж я захочу встретиться с мужчиной, то найду для этого место, – безапелляционно заявила Ирина и плотно сжала рот, что на её языке означало: поставлена точка.

– Вы что это, бабуси, на мужиках зациклились, а? Может, о детях лучше поговорим? – предложила Татьяна.

– У детей своя жизнь, что о них говорить-то, – не одобрила предложение Люся, – а мы ещё не старухи, нам пожить хочется.

– Жить хочется, только жизнь даёт трещину за трещиной, – вздохнула Лариса, – вот дочка бы замуж вышла, я порадовалась бы за неё.

– Так этот подлец, Танькин сын, не женился на ней? – удивилась Ирина.

Лариса печально покачала головой.

– Ты сама почему замуж не выходишь? – пошла в наступление Таня, чтобы отвлечь публику от интереса к своему собственному сыну, – дочка, дочка… Успеет ещё дочка, а вот у тебя годы уходят…

– Мне после Финка все мужики кажутся какими-то убогими. Всем подавай только секс. Никакого уважения к женщине. А Финк так долго за мной ухаживал…

– Ты тогда ещё не была секс -символом,– заметила Татьяна.

– Тогда и слов-то таких не было, а сейчас… Вот есть у меня один ухажер, так лучше бы его не было. Однажды, ещё при Финке, он ко мне домой явился пьяный, но с розой в руках. Кажется, дело было на восьмое марта. Мне Ларису Викторовну, говорит. Я ей от фирмы подарок принёс. Станислав слегка ошалел, однако пригласил гостя войти. Но тот смутился, отдал мужу розу и сбежал. “Это тебе от фирмы”, – сказал мне муж и ехидно усмехнулся.

– Хороший муж, – сказала Ирина, – другой бы тебе шею свернул.

– И это ещё не всё. В прошлом году мы с ним в командировку ездили, на курсы повышения квалификации. Так он ещё в поезде ко мне приставать начал. Сначала мы с ним спокойно разговаривали о работе, правда, он, как всегда, был под хмельком. Я что-то доказывала и ненароком положила руку ему на колено. Этого оказалось достаточно. Ложись, говорит, а сам от соседей по купе простынёй загораживается, спустив её с верхней полки на нижнюю. Я говорю: это что такое? А он: “Ложись, не могу я больше.” Меня до сих пор тошнит.

Женщины захохотали, а когда приступ хохота прошёл, поинтересовались, хорош ли собой кавалер.

– Нет, страшный, к тому же женатый. Они чем страшнее, тем самоуверенее.

– Старый?

– Не очень, ему сорок пять лет. Я после его недвусмысленного предложения всю ночь не спала. Нет, так нельзя, женщину надо уважать, а не использовать по прихоти. Такого вот полюбить нельзя.

– Тебе бы всё любить!

– А что? Любви все возрасты покорны.

– Как мы привыкли цитировать Пушкина! И все его перевираем. Он вовсе не поощрял любовь в пожилом возрасте, – заявила Татьяна, которая считала себя знатоком в этих вопросах.

– Как? Эту фразу он сказал.

– Сказал, только после этой фразы следует “но”. “Но юным, девственным сердцам её порывы благотворны…” Поняли? Юным, а не нам.

– Это потому, что он сам дожил до тридцати семи лет. Если бы он пожил больше, он бы понял, что любви действительно все возрасты покорны, – возразила Лариса.

Тут спорить никто не стал, все радостно согласились с ней и решили ещё раз вскипятить чайник, чтобы доесть роскошный торт.

– Ой, Тань, хорошо, что ты про детей вспомнила, – вновь вступила в разговор Ирина, – мне нужна помощь адвоката. Мне бы с твоим сыном надо посоветоваться. Не хочу идти к чужим – очень деликатное дело.

– Так консультируйся. Я тебе дам его визитку, там есть адрес юридической консультации.

– Нет, в консультацию я не хочу. Там большие деньги дерут. Мне бы на дому, в частной беседе.

– А что случилось-то?

– Я же сказала – деликатное дело.

Одноклассницы удивлённо посмотрели на неё, но не проявили никакого любопытства. Только Люся решила высказаться.

– А она не так проста, как кажется. Вы видите? И дело деликатное, и консультация специалиста нужна, да ещё бесплатно. Такая нигде не пропадёт!

Женщины в этот день засиделись допоздна, а когда расставались, то, как всегда, обещали не забывать друг друга и во всём друг другу помогать.

4.Долг.

Татьяну не очень удивила просьба Ирины. Её друзья неоднократно прибегали к её посредничеству, чтобы в “доверительной беседе” узнать то, что их интересовало с юридической точки зрения. Её сын имел достаточный опыт и необходимую литературу, поэтому мог грамотно проконсультировать нуждающихся.

Так, к ней обращалась Лариса, чтобы достойно выйти из затруднительного положения. После смерти её мужа, Станислава Финка, на долю в её двухкомнатной квартире вдруг стала претендовать его сестра. Свои требования она мотивировала тем, что теперь, когда эта “стерва” (как она называла Ларису) довела её брата до смерти, ей с дочерью слишком жирно будет жить в такой хорошей квартире, а потому её надо разменять. Когда-то однокомнатная квартира, которую впоследствии обменяли на нынешнюю двухкомнатную, была куплена на деньги её родителей, стало быть, Лариса в лучшем случае может претендовать только на половину.

Сестра Станислава выдвигала свои требования в такой категоричной форме, будто они и были единственно правильными. Поэтому даже Лариса, человек, безусловно, грамотный, растерялась. Если бы она была одна, ей бы хватило меньшей жилплощади, но у неё же дочь. К тому же сестра мужа, она же золовка, унаследовала квартиру своих покойных родителей и в жилплощади не нуждалась. Однако урезонить зарвавшуюся даму было непросто – она во что бы то ни стало решила завладеть тем, что ей не принадлежит.

Андрей, поговорив с Ларисой, составил ей официальную бумагу на фирменном бланке с печатью, написанную в форме официального ответа на жалобу: “На ваш запрос отвечаем”. В документе подробно объяснялось, почему некая особа не имеет права претендовать на чужую жилплощадь. В наследницы она бы попала в последнюю очередь, потому что не была ни дочерью хозяина, ни супругой, а всего лишь сестрой… Но она изрядно потрепала нервы Ларисе, прежде чем отказалась от своих притязаний.

Чего-то подобного Татьяна ждала и от Ирины, но экстравагантная дамочка удивила её и на этот раз. Она пришла к ней домой рановато, Андрея ещё не было, поэтому начала исповедоваться перед подругой.

– Я хочу проконсультироваться насчёт выплаты долга, – сообщила она.

– Тебе кто-то долг не отдаёт? – удивилась Татьяна.

Ирина посмотрела на Татьяну, как на сумасшедшую, покрутила пальцем у виска, покачала головой и только после этого ответила на вопрос.

– Пусть этот кто-то только попробует мне долг не отдать! Хотела бы я на него посмотреть! Думаю, что после встречи со мной у него окончательно бы пропало желание просить денег в долг…

– Тогда в чём же дело?

– Дочка у меня заняла денег у одного бизнесмена. Богатый, чёрт, денег куры не клюют, но жмот оказался. Она и заняла-то мизер, десять тысяч рублей, а он миллиардами ворочает.

– И где она его нашла, этого миллиардера? – Татьяна с интересом ждала ответа, надеясь услышать рассказ о бурном романе принца и золушки.

– На родительском собрании познакомились, у меня же дочь учительница. Он специально в школу пришёл, чтобы какой-то там благотворительный взнос сделать. Разговорились, то да сё, вот она его и попросила дать ей немного, деньги были очень нужны. Ему ведь это ничего не стоит, правда? А оказалось – за копейку удавится.

– Как так?

– Не прошло и двух месяцев, как он начал с дочки этот смешной долг требовать, будто без этих денег у него бизнес остановится.

– Но она ведь деньги в долг брала, значит , надо отдавать.

– Это только так называется – в долг. А чего их отдавать, если у него и так полно. Небось, не обеднеет. Просто смешно с его стороны с бедной девочки эти копейки требовать…

– Хорошо же ты свою дочь воспитала! Взяла и прикарманила. У неё это в первый раз или уже в систему вошло? – искренне возмутилась Татьяна.

– Воспитала! При чём тут воспитание, если жизнь такая, что приходится копейки считать! – в свою очередь обиделась Ирина, – одним всё, другим – ничего. Она же с мужем разошлась, живёт с ребёнком на мизерную зарплату…

– Разошлась? Это ты пример подала. Сколько раз расходилась?

– Да брось ты всё на меня валить! Женщина к тебе пришла поделиться горем, а ты издеваешься. Ты лучше посоветуй, что делать.

Татьяна не знала, как она должна себя вести в такой ситуации: рассмеяться, как следует возмутиться или отругать предприимчивую подружку, чтобы не давала дочери дурных советов: наверняка это с подачи матери дочка решилась взять деньги в долг и не отдавать их.

– Ты считаешь, что бизнесмены зарабатывают много денег только для того, чтобы безвозмездно раздавать их всем, кто попросит? Нет, деньги им нужны для другого: для хорошей жизни, для независимости, для расширения и совершенствования дела, которому они посвятили жизнь, – начала Татьяна вразумлять Ирину, но та не захотела её слушать.

– Ты думаешь, я пришла слушать твои лекции? Они мне ни к чему, я и сама их читать умею. Я пришла за помощью. Я же не говорю, что моя дочь категорически не хочет отдавать долг: ей просто нечем его отдавать. Мне надо узнать у юриста, как договориться с этим скрягой, чтобы долг он с неё не требовал.

– С такими людьми опасно иметь дело – могут и киллера нанять или на счётчик поставят, когда долг ваш будет расти каждый день на определенную сумму, пока не заплатите.

– Ну вот… Теперь пугать начала. С тобой совершенно невозможно разговаривать, – и Ирина посмотрела на Татьяну тем самым взглядом, который обманул многих: наивным и укоризненным.

Тут раздался звонок в дверь, и это спасло Татьяну от необходимости оправдываться. Но пришёл не сын, как она ожидала, а муж. Сергей, узнав, что у них в гостях Ирина Витушкина, поморщился, но,как вежливый человек, пошёл здороваться.

Ирина бурно поприветствовала хозяина дома, а потом рассыпалась в комплиментах. И Татьяна заметила, что они её мужу даже приятны.

– А он у тебя неплохо выглядит, – сказала она Татьяне, – наверное, ты его хорошо содержишь, бережёшь. Смотри, как бы не увели, мужики сейчас в дефиците.

– Они всегда в дефиците.

– Не скажи! Во времена нашей молодости их хватало. А вот сейчас говорят, что лозунг “на десять девчонок по статистике девять ребят” уже не в моде – ребят гораздо меньше.

– Какой же дефицит, когда у тебя одной – не меньше десятка! Как так может быть?

Ирина зарделась, довольная своими достижениями по части покорения мужчин и с удовольствием приняла приглашение хозяев поужинать.

– Андрей пришёл к концу трапезы и тут же присоединился к ней. Увидев за столом очередную мамину подружку, он тут же понял, в чём дело, и вопросительно посмотрел на мать. Она кивнула, и сын, уже достаточно уставший после работы, смирился со своей нелёгкой долей.

Выслушав рассказ Ирины Витушкиной, который он неоднократно прерывал то вопросами, то откровенным смехом, адвокат Андрей Сергеевич Поляков вынес свой вердикт.

– Если ваша дочь, как вы говорите, не давала бизнесмену расписки в получении денег, то формально она может отказаться от их выплаты. Но истец, подав на неё иск в суд, может привлечь свидетелей или найти другой способ заставить её заплатить.

– Какой? – испугалась Ирина.

– Убедить её в личной беседе или запугать, например.

– Он уже и на суд подал, и запугал. Поэтому я к вам пришла. Дочка не явилась в суд по повестке, поэтому он в следующий раз, когда её опять вызвали, разложил копии повестки в ящики всем соседям. Всему подъезду, представляете? Каков подлец!

– Всему подъезду, говорите? – Андрей опять засмеялся, но вскоре стал серьёзным, – стало быть, дочка тут же побежала в суд и признала свою вину. Так?

– Так. А что ей оставалось делать? Она испугалась, что в следующий раз он взорвёт дом.

– "Долг платежом красен" – знаете такую пословицу?

– Конечно, знаю. Но точнее было бы сказать: "долг платежом страшен". Я очень боюсь за дочь.

– И правильно делаете. Я поговорю с этим человеком от имени моей клиентки – то есть от вашего имени. Но ничего гарантировать не могу – прав он, а не вы с дочерью.

– Зачем они приходят сюда с такими миссиями? – недовольно спросил Сергей, имея в виду Татьяниных подруг, – есть же специальные юридические консультации, адвокатские бюро… Они же измучают нашего мальчика вконец.

Андрей в это время уже лежал на диване, глядя в потолок. Вид у него был действительно измученный.

– У них нет денег на эти конторы. Ты разве не знаешь, сколько платят на наших заводах? А в школах? Чуть-чуть свести концы с концами…

– Вот на это и сделаем ставку, – сказал вдруг Андрей, – на нищее самодовольство и отчасти на слабоумие.

– Что ты такое говоришь?

– Попробую объяснить ему как адвокат, что ответчица не ведала того, что творит, к тому же денег у неё нет и платить нечем. Поэтому бизнесмену дешевле обойдётся вовсе отказаться от этих денег, чем годами судиться и выплачивать судебные издержки.

– Так он тебе и поверил!

– Ему ничего не остаётся, как поверить. Долга своего он, судя по всему, не получит. Расписки у него нет, а остальное – всё слова. А так я с ним поговорю, он и успокоится. То есть моя задача заключается не в том, чтобы вернуть ему его потерю, а в том, чтобы примирить его с ней.

– Красиво говоришь! И где ты только научился! – восхищенно сказал Сергей.

– Здравствуйте, приехали! А сколько лет я, по-твоему, учился? Вот то-то же!

– Но ты уж не очень зарывайся-то, – предостерегла сына Татьяна, – такие люди не любят, когда их учат, как им поступать.

Никто особенно не верил в положительный исход дела, но Андрею, к всеобщему удивлению, удалось его уладить. Мужик оказался хорошим и понятливым, даже не жадным, потому что тут же предложил Андрею дело за хороший гонорар.

– Ты, я смотрю, парень толковый, мне такой и нужен. Я тут хочу одно дельце провернуть, поможешь? Нет, нет, никакого криминала. Тебе не придётся никого убивать, а только консультировать меня по юридической части. Идёт?

Андрей согласился и существенно поправил своё материальное положение. Ирина Витушкина тоже не осталась в долгу и пришла благодарить Андрея с коньяком и коробкой конфет. Этого уж он выдержать не мог.

– Мама, – сказал он Татьяне на кухне, – мне так надоели твои школьные подруги, хоть из дома беги.

И действительно, вежливо поприветствовав гостью и сославшись на неотложные дела, он сбежал из дома. Наверное, пошёл к Майе, своей новой пассии. Татьяна ещё не была с ней знакома, но не совсем обычное, редкое имя девушки почему-то произвело на неё впечатление.

– А ты не считаешь, что у твоей избранницы и на этот раз странное имя, – не без подвоха спросила она как-то сына.

– Это в ваше время имена были странные, – ответил он, – какие-то Лиды – Люды, Вали – Гали – тусклые, ничего не значащие имена.

– Вот как? А Майя что означает? Созвучно с предметом одежды – майкой. Разве не так?

– Это же надо?! Настоящую поэзию ты превратила в пошлую прозу. Майя ассоциируется не с майкой, а с месяцем Май, стало быть, с голубым небом, цветущими садами и вообще… С прозрачностью.

– Ну, тебе лучше знать, – только и сказала мать вслед уходящему сыну.

Он ещё не рассказал ей, что познакомился с Майей во время судебного процесса, когда она разводилась с мужем. Попытка судьи примирить молодых супругов не удалась, и Майе потребовался адвокат, чтобы разъярённый муж не отобрал у неё квартиру. Молодая женщина нервничала, оправдывалась, плакала, и всё это вместе показалось Андрею очень трогательным. На суде он представил себя во всём блеске: бывший муж Майи был морально уничтожен, квартира, доставшаяся ей от бабушки, сохранена, а шестилетний ребёнок, мальчик, оставлен с матерью. Этот заурядный судебный процесс Андрей Сергеевич Поляков почему-то причислил к своим большим победам.

5.Броуновское движение.

Однажды вечером, когда муж в очередной раз пришёл с работы подавленным и первым делом отправился не на кухню ужинать, а в спальню, чтобы измерить своё артериальное давление, Татьяна пошла за ним. На экране автоматического измерителя выступили чёткие цифры: 180, 100, 83.

– Тебя опять довели? – спросила она, наблюдая, как Сергей, не глядя на неё, автоматически переодевается в домашнюю одежду.

– Да, опять я им не угодил. Плохо работаю. Чем больше я делаю, тем больше они не довольны.

Татьяна вспомнила, как ещё в школе, изучая капиталистическую систему производства и сравнивая её с социалистической, она обратила особое внимание на то, что капитализм сравнивали с гигантской потовыжималкой. Для достижения высокой производительности труда из человека выжимали всё, на что он был способен, а выжатого безжалостно выбрасывали на улицу.

– Так уходи оттуда, Серёжа, сколько раз я тебе говорила. Сын уже самостоятельный, сам зарабатывает, а нам с тобой, по-моему, немного нужно.

– Куда уходить-то? Опять возвращаться в Конструкторское бюро? Не возьмут, скажут, отстал от жизни – я уже лет пятнадцать там не работаю. Да и возраст уже… Почитай-ка объявления: везде требуются специалисты в возрасте до тридцати, в крайнем случае – до сорока лет. Вот такие дела…

Он прошел на кухню, выпил лекарство, которое в последнее время дома не переводилось, и, отказавшись есть, прилёг на диван.

– Но чем они недовольны? – спросила жена, сев на стул, стоявший рядом,– у тебя что же – старческий маразм? Что-то я не замечала. Пятьдесят лет – это золотой возраст мужчины.

– Золотым его считают те, кому давно уже шестьдесят или семьдесят. А моим начальникам – сорок с небольшим. Они молоды, поэтому я для них – старик. Бегать с ними наперегонки мне уже тяжело.

– Но обойтись без тебя, тем не менее, они не могут.

– Они не работали на предприятии такого уровня, у них нет связей с нужными для дела людьми. Нет и той культуры общения, которой я научился, работая в КБ всесоюзного значения. Я уже не говорю о технической стороне дела.

Татьяна очень переживала за мужа, потому что знала, что её Сергей – не из тех, кто не работает, но ест. Он не был бездельником, напротив, всегда находил себе работу и на службе, и дома. Он не был пьяницей, не страдал запоями, которые существенно отвлекают от работы, никогда не приходил на службу с похмелья. Так почему же начальство недовольно? После долгих размышлений и сопоставлений фактов Поляковы всё-таки нашли ответ на этот вопрос: для недовольства начальства не обязательно быть плохим, неработоспособным, несостоявшимся, а достаточно быть крайним. Именно с крайнего и спрашивают, почему не выполняется план, не находит сбыта продукция, нарушают дисциплину сотрудники.

Сергей Алексеевич Поляков работал заместителем директора индивидуального частного предприятия “Темп”. Руководил предприятием родственник Татьяны, сын её двоюродного брата Василия Владимир. Всякий раз, собираясь поговорить с племянником, который был моложе её не намного и как тётушку её не воспринимал ,-она не решалась на это. Её всегда мучили сомнения: а надо ли? Это может быть неправильно истолковано: приходит, мол, Поляков домой и постоянно жалуется на начальство своей жене. Хорошо ли это будет? Им ведь не объяснишь, что он не жалуется, а просто привык быть с ней откровенным. Да и не скроешь от

неё, если тяжело на душе, она сразу это увидит. С другой стороны и Владимира, учитывая его тяжёлую судьбу, она привыкла жалеть, а не воспитывать.

Владимир Васильевич Деревянкин, получив серьёзное ранение во время военных действий в Афганистане и признанный в результате инвалидом, долгое время не работал и, часто находясь в состоянии депрессии, пристрастился к выпивкам. Кроме ранения его угнетала и несостоявшаяся личная жизнь, в которую ещё до армии грубо вмешались родители.

Василий, узнав, что его сын часто посещает женщину с двумя детьми и даже собирается на ней жениться, постарался разлучить влюблённых. Окончив школу, восемнадцатилетний Володя попадал только в осенний призыв в армию, но его отец, военнослужащий, постарался отправить его туда пораньше. И пораньше и подальше от ошибок молодости, потому что через два года, по мнению родителя, сын должен был поумнеть.

Отправленный в армию, подальше от дома, Володя попал слишком уж далеко – в Афганистан. Узнав об этом, Василий раскаялся в содеянном, но поправить уже ничего было нельзя. Вернувшись домой раньше срока, без ноги и списанный из-за ранения со службы, сын был замкнутым и подавленным. Вино, в котором родители, считавшие себя виноватыми, ему не отказывали, было единственной его радостью.

Владимир долгое время не мог определиться, чем же ему теперь заниматься – найти работу в обществе инвалидов или продолжать учиться. Ему не хотелось ни того, ни другого, родители кормили его и хорошо за ним ухаживали, но постоянное пребывание дома не создавало ощущения полноты жизни. А жить в девятнадцать с половиной лет хочется, потому что всё еще впереди.

Родственники настоятельно советовали ему учиться – хотя бы заочно, и Володя, мечтавший когда-то о техническом вузе, должен был выбрать другую профессию. На инженера трудно учиться заочно: слишком много техники надо изучать, лабораторных работ делать, для которых дома нет никаких условий. И он решил овладеть знаниями для работы в должности экономиста. Родители бы, наверное, поднатужились и купили ему компьютер, который мог бы скрасить его жизнь, но в те времена такая техника ещё не вошла в повседневный быт.

Учёба давалась Володе тяжело, много раз он хотел бросить эту затею: тетради и книжки летели в окно, и его матери приходилось выходить на улицу, чтобы собрать их. Она знала, что через недельку сын успокоится и будет жалеть о содеянном.

К радости родителей, он ни разу не вспомнил о своей доармейской любви, ни разу не пожелал видеть ту разведённую двадцатипятилетнюю женщину с двумя детьми, которая научила его азам плотской любви. Сейчас он, казалось, спокойно обходился без женщин и расстраивался только из-за своего увечья.

Шли годы, и Володе изготовили на ампутированную ногу удобный протез. Он уже мог обходиться без костылей, и когда пришло время защищать диплом, – со времени службы в армии прошло уже десять лет – он сделал это как полноценный, хотя и прихрамывающий человек. Это вселило в него уверенность, и вскоре после окончания вуза он начал искать работу. После долгих поисков и неудачных попыток трудоустроиться Владимир Васильевич был принят на должность бухгалтера в частную фирму, ведущую строительство дач и коттеджей.

Руководил фирмой мужчина средних лет, где-то между сорока и пятьюдесятью, волевой, требовательный, не допускающий никакой поблажки к пьяницам и бездельникам. Сам он работал день и ночь, без отпуска и выходных, чего требовал и от подчинённых. Он не брал в рот ни капли спиртного, потому что, спившись в бригадах подряда, где начинал карьеру, он излечился, взял себя в руки, и вот уже почти двадцать лет был абсолютным трезвенником.

Владимир, которому к этому времени едва перевалило за тридцать, сначала терялся под натиском руководителя, который жестко диктовал ему свои условия и, пользуясь его неопытностью, не вынося при этом даже пивного запаха, постоянно “учил жить”. Владимир, может быть, и взбрыкнул бы, и убежал, куда глаза глядят, но бежать ему было некуда. Прежде чем

заявлять о своих правах, надо было хотя бы научиться работать и на практике доказать свою состоятельность. Он усмирил свою гордость, положив её на время пылиться на полке, бросил пить и с головой окунулся во все перипетии бизнеса.

Его руководитель был человеком необразованным, университетов не заканчивал. Азы строительной науки, также как и экономики, он усвоил, работая в так называемых “бригадах подряда”, ездивших в советское время по сёлам и строивших так необходимые там коровники и свинарники. Они напоминали популярные в те же годы студенческие строительные отряды, только работали в них, как правило, рабочие строительных специальностей, и платили им за работу гораздо больше, чем студентам.

Дождавшись перестройки и открыв свою фирму, руководитель и тут не стал забивать себе голову научными изысканиями. Экономика его была проста: вкладываешь в своё дело рубль, получаешь в итоге два рубля.

– Экономист хренов, – неоднократно обращался он к Владимиру, не щадя его честь и достоинство, – зачем же ты учился так долго, зачем мучился, если не понимаешь самых простых вещей?

Владимир Васильевич Деревянкин хорошо усвоил уроки своего крутого руководителя, который умел не только зарабатывать большие деньги, но и обходить закон. Со своими врагами, теми же рэкетирами, он тоже быстро находил общий язык. Кому-то он отстёгивал определенный куш, а кому-то и приставлял для профилактики пистолет к виску. Но в мокром деле никогда замешан не был.

Выдержав десять лет и закалив свою волю, Владимир почувствовал себя способным самому стать руководителем. Он, инвалид, калека, мучившийся от боли при перемене погоды, должен был доказать себе и окружающим, что не только не хуже их, здоровых и удачливых, но и в некотором смысле лучше. Пережив все кризисы и дефолты, когда государство преподнесло своим гражданам сюрприз, обесценив их денежные сбережения, он, будучи в то время ещё безденежным, сумел сколотить себе небольшой капитал в более поздние годы. Недостающую сумму Владимир взял в банке в виде кредита, и новое индивидуальное предприятие было зарегистрировано в мэрии по всем правилам.

К этому времени Владимир Васильевич уже пять лет был женат на женщине гораздо моложе себя, милой и обаятельной, потому что, преодолев комплексы калеки, он снова увидел в зеркале своё красивое лицо. Голубые глаза и тёмные волнистые волосы были почти такие же, как у его отца, и только неправильная форма нижней губы и тяжеловатый подбородок напоминали, что, кроме красивого отца, у него была ещё и некрасивая мать. Но эти недостатки Владимир счёл несущественными, потому что постоянно замечал устремлённые на него женские глаза.

Обдумывая сферу своей деятельности, новоиспечённый хозяин сразу отказался от строительной отрасли, потому что считал её грязной и недостойной внимания.

Экономист и бухгалтер Деревянкин решил заняться изготовлением дополнительного оборудования к автомобилям и предложить местным производителям изящество конструкции и современный дизайн. Ему нужны были грамотные специалисты, поэтому он и обратился к Сергею Алексеевичу Полякову, мужу Татьяны, проработавшему двадцать лет в солидном Конструкторском бюро и ушедшему оттуда только в годы перестройки, когда авиационно-космическая отрасль находилась в кризисе. Необходимые материалы были приобретены, чертежи изготовлены, впоследствии взят в аренду небольшой офис с перспективой дальнейшего строительства, – и предприятие заработало.

Владимир предложил свои изделия заводам, и на его фонари, ручки, кнопки, замки, решётки и другие мелочи сразу же посыпались заказы. Вскоре предприятие начало понемногу отдавать долги, а потом появилась и прибыль.

Сергей Алексеевич не сразу решился перейти к Деревянкину на постоянную работу, потому что рисковать не любил. Он выполнял конструкторские работы параллельно основной деятельности и получал за это гонорар. Но потом, убедившись, что детище Деревянкина работает стабильно и собирается осуществить новые проекты, он ушёл с муниципального предприятия , где работал заместителем директора, в фирму “Темп” на такую же должность, но с большим выигрышем в зарплате. Именно он предложил заняться разработкой и изготовлением газового редуктора для автомобилей, чувствуя, что для него наступило время.

Дело в том, что в связи с постоянным удорожанием бензина многие водители легковых автомобилей с удовольствием перешли бы на более дешёвое топливо. Таким топливом был сжиженный газ “пропан”, который по стоимости вдвое уступал традиционному бензину. На газе давно ездили автомобили типа “Газель” и грузовые машины, а вот легковые требовали небольшой доработки. Если газовый баллон можно было купить, то распределитель газового топлива, так называемый редуктор, можно было приобрести только итальянского производства, и стоил он недёшево. Отечественный аналог мог бы обойтись автомобилистам гораздо дешевле.

Вдохновившись этим проектом, и Деревянкин, и Поляков с головой ушли в работу. Взяв за основу итальянскую модель редуктора, они разработали свой вариант распределителя топлива и запустили его в производство. После напряжённой работы всего штата “Темпа” наконец-то были изготовлены первые образцы изделия. Но на поверку они оказались некачественными и требовали доработки. Снова специалисты работали день и ночь, устраняя недостатки в своём детище, но это им давалось с трудом. Новоиспечённому редуктору явно не хватало культуры исполнения, свойственной его иностранному собрату.

Сергей Алексеевич, видя недостатки не столько в конструкции изделия, сколько в отсутствии необходимой технологической базы, убеждал хозяина вложить деньги в эту сферу производства, но понимания не нашёл. Деревянкину, который не имел инженерного образования, зато умел считать деньги, не хотелось тратиться зря. Напрасно убеждал его Поляков, что изделия, требующие точности в работе, никогда не изготавливаются кувалдой и грубыми, малоквалифицированными руками неопытных сборщиков, – Деревянкин в это не верил.

Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Один из слесарей-сборщиков нарушил сухой закон и был сразу же уволен хозяином. Встал вопрос о замене, и тут Поляков, воспользовавшись ситуацией, привёл своего давнего знакомого, работавшего когда-то в опытном производстве того же КБ. Уровень сборки повысился, и изделие было запущено в массовое производство. Дав рекламу в прессе и участвуя в различных выставках – ярмарках, «темповцы» обрели определенный круг покупателей.

Сергей Алексеевич Поляков, чего не скажешь о Владимире Васильевиче Деревянкине, тут же вмонтировал газовое оборудование в свою “девятку” и начал проверять редуктор, что называется, на себе. Не исключено, что выбрал он себе не худший экземпляр – редуктор в течение довольно длительного времени работал без сбоев. Однако от покупателей начали приходить рекламации, и Поляков по каждому такому сигналу сам выезжал на место, чтобы разобраться в причинах отказа редуктора и заменить его на новый.

Постепенно недостатки устранялись, но редуктор по – прежнему уступал по своим техническим характеристикам своему итальянскому конкуренту. Это жутко раздражало Деревянкина, которого не вдохновляли длительные процессы доработки – он рассчитывал на большую прибыль, чем давал ему редуктор. Раздражение своё он переносил на подчинённых, особенно на Полякова, который ему “подсунул этот подарок, не думая о последствиях”.

Несмотря на то, что редуктор раскупался и использовался в легковых автомобилях, Деревянкин охладел к идее его выпуска и, приказав распродать задел, закрыл производство, на которое было затрачено столько сил, одним росчерком пера. С Поляковым после этого случился гипертонический криз.

Татьяна, знавшая Володю Деревянкина с детства и любившая с ним играть, когда он был маленьким, не поверила своим ушам, узнав, кто именно довёл её мужа до приступа. Воспользовавшись тем, что Сергей несколько дней провёл дома, она направилась к Деревянкину, чтобы поговорить с ним наедине. Всё-таки он был ей человеком не чужим – хотя и двоюродным, но племянником. Она бесцеремонно вошла в его кабинет, поздоровалась и села в кресло, не дожидаясь приглашения.

– Таня? – удивился племянник, никогда не называвший её тётей. – Здравствуй, очень рад.

– И чему же ты рад? – ехидно спросила она.

– Меня не часто посещают такие женщины, – галантно ответил Деревянкин.

– Ты знаешь, что я в твоих комплиментах не нуждаюсь. Лучше скажи, как ты довёл моего мужа до такого состояния. И не вздумай изворачиваться!

– Ну зачем мне его доводить, Танечка? На любом производстве есть свои трудности, их надо преодолевать, а не принимать близко к сердцу. У нас здесь работа, а не богадельня.

– Вот как ты заговорил! Когда с его же помощью ты запустил эту свою лавочку, ты ещё побаивался бога-то? А теперь совсем обнаглел!

Татьяна не стеснялась в выражениях, потому что знала, что Владимир на неё не обидится, мстить не будет и киллера не наймёт. Ей позволялось всё, и она решила воспользоваться этим правом до конца.

– С чего же ты взяла, что я его довёл? Он, между прочим, и сам любого доведёт. Не веришь?

Владимир смотрел на неё преданными и наивными глазами. Татьяна рассердилась ещё больше.

– Может быть, ему лучше уйти от тебя, от греха подальше? Так я с ним поработаю и уговорю.

– Нет, нет, что ты! – Владимир категорически замотал головой, – у нас с ним ещё много дел. И мы вполне срабатываемся. А тебе спасибо за Сергея Алексеевича, ты его явно вдохновляешь на подвиги.

Решив, что разговор закончен, Татьяна встала, чтобы уйти, но на минуту замешкалась. Она думала, чем бы ещё уколоть провинившегося племянника.

– Кстати, о женщинах, – сказала она наконец, – почему в твоей бухгалтерии они такие убогие? Бизнесмен такого ранга мог бы позволить себе и супермоделей. Вот Мисс мира Юля Курочкина, говорят, в финансовой академии училась, могла бы быть тебе полезной.

Она решительно направилась к двери. Деревянкин тут же встал и направился провожать гостью. На прощание он сказал: “Приходите в субботу к нам на шашлыки.”

Татьяна вышла на улицу, глотнула свежего воздуха и потерла ладонями свои виски в надежде снять головную боль. Всё-таки не умела она возмущаться, как не умела и бороться за свои права. Вот поговорила несколько минут на серьёзную тему, и уже вышла из кабинета полуживая. А ведь ей надо возвращаться на работу, откуда она сбежала, сославшись на важные дела. Но она всё-таки надеялась, что Владимир учтёт её критические замечания и пожалеет её мужа, как жалела его она сама.

Когда мужу было плохо, она особенно сознавала, как любит его, потому что возникающее в таких случаях чувство жалости не убавляло, а только усиливало её любовь. Она испытывала к нему такую нежность, как будто была юной невестой, а не зрелой женщиной со стажем семейной жизни, приближающимся к тридцати годам. Она была уверена, что их с Сергеем чувство не разбилось о быт, не утонуло в детских слезах и пелёнках, не поддалось искушению новой любви. И они могли гордиться этим.

Владимир Васильевич её критические замечания принял к сведению. Он больше не повышал на Сергея Алексеевича голос, не позволял себе нелестных замечаний вроде: “у тебя, старого, что, склероз”? и не показывал своего раздражения. Зато у него появился ещё один

заместитель, некто Степан Иванович Козлов. Это был мужчина лет сорока, на вид неказист, прыщав. Всё в его облике было серым: и глаза, и волосы, и тонкие губы, и одежда. Этот серый во всех отношениях человек, неизвестно откуда и зачем взявшийся, был наделён Деревянкиным немалыми полномочиями. Это он теперь систематически критиковал своего коллегу Полякова, хотя на служебной лестнице они стояли на одной ступени.

Учитывая это обстоятельство, Поляков не торопился подчиняться Козлову и довольно решительно отвергал его притязания. Козлов возмущался – для плюгавого мужчины власть над другими не просто жизненная необходимость, но и смысл жизни. Где ещё он может почувствовать себя стоящим на пьедестале?

Поляков по характеру был добрее Козлова, и именно он старался сгладить отношения. Поляков не был злопамятным и не копил в своём сердце и в душе обиды на коллегу, стремясь всеми силами наладить контакт, отчего производственные отношения только выиграли бы. Козлов же с неизменным выражением лица всякий раз давал понять, что он – более важная персона.

Тем не менее, фирма работала, прибыли её росли, шло освоение новых изделий, и тут именно Полякову, а не Козлову принадлежала главная роль. Фактически только Поляков мог решить, казалось, не решаемые вопросы и наладить нужные производственные контакты. Козлов же больше занимался вопросами отгрузки готовой продукции, доставки её к месту назначения и изучением покупательского спроса. Зато у Козлова крутились деньги, те самые деньги, ради которых работала фирма. У Полякова эти деньги были в перспективе. Казалось, Степан Иванович пожинал плоды сделанного другими, и пожинал их довольно успешно. Кому вершки, кому корешки, и изменить тут было ничего нельзя, потому что ничего не хотел менять хозяин Деревянкин.

Сергей Алексеевич знал, что он данной фирме нужен, что работает он неплохо, но не мог понять, зачем его воспитывают. Он пытался объясниться с самим Владимиром Васильевичем, задав ему простой, казалось, вопрос: “Чего же ты от меня хочешь? Скажи конкретно – и я всё сделаю”. Деревянкину этот вопрос не понравился, конкретно отвечать он не захотел и ждал, когда Поляков сам поймёт, что эпоха социализма давно ушла в небытиё, что результат должен быть здесь и сейчас, а не когда-то потом, в туманной перспективе.

– Он хочет, чтобы я всё делал быстро, остро и из ничего, – рассказывал Сергей Татьяне, – но так серьёзные дела не делаются. Так можно только нож в спину воткнуть.

– Но Владимир – грамотный человек, экономист. Зачем же он ставит нереальные задачи? – недоумевала Татьяна.

– Он хочет, чтобы случилось чудо, и они стали реальными. Знаешь, что он мне сказал вчера? “Мне твоё броуновское движение не нужно. Мне нужны деньги”.

– Броуновское движение? А что это такое?

– Ну, ты меня удивляешь, Таня! Ты же технический вуз закончила, а вопрос задаёшь из школьной программы.

– Ты меня тоже удивляешь. Я знаю, что это хаотичное движение каких-то мелких частиц. Я у тебя спрашиваю точную формулировку.

– Ах, точную, – Сергей почесал затылок, посмотрел в потолок, но ничего вспомнить не мог. – вот точная формулировка как раз не имеет значения.

– Я так и знала, что ты двоечник. Если Деревянкин этот термин употребил, значит надо знать точную формулировку. Вдруг она наведёт на какую-нибудь глубокую мысль? – предположила Татьяна и пошла за энциклопедическим словарём. Вскоре она нашла нужную страницу и прочитала вслух: ” Броуновское движение – беспорядочное движение мельчайших частиц, взвешенных в жидкости или газе, под воздействием ударов молекул окружающей среды”.

– Ну что, усвоил? – спросила она мужа, закрывая и откладывая в сторону книгу.

– Я давно усвоил, что мои движения не сразу дают прибыль.

– Так. Но оно не должно быть беспорядочным. Может быть, ты излишне суетишься? Говоришь много лишних слов? Не надо быть мелким, надо расти.

– Ишь ты, как расшифровала это броуновское движение. Я думаю, сам Деревянкин этого не знает. Он, по сути, мужик простой, ему сложности не нужны.

– Может быть, он срывается, потому что не очень счастлив в жизни? Это его увечье, да и бог детей не дал. Жена мила, но простовата, а на других женщин сил нет… – задумчиво произнесла Татьяна.

– Это почему же сил нет? – искренне удивился Сергей.

– Потому что у него наверняка есть синдром бизнесмена – слышал про такой термин?

– Ну что ты ещё выдумала?

– Это не я выдумала. Я бы до такого точно не додумалась.

– И что же это такое?

– Ну, это когда…– Татьяна на секунду задумалась, потом лукаво улыбнулась и наконец-то удовлетворила любопытство мужа, – в общем, когда в коммерческом банке всё в порядке, всё лежит, а в личной жизни… ничего не стоит.

Сергей закрыл глаза и замахал руками, а потом искренне расхохотался.

– Типун тебе на язык, – сказал он, наконец, – хорошо, что он тебя не слышит.

– А если бы слышал, так что? Убил бы?

– Нет, пожалел бы. Он тебя очень уважает, гораздо больше, чем меня. Просто ему было бы обидно такое слышать.

Татьяна решила, что пора кончать эту пустую дискуссию и идти ужинать. Но, уже сев за стол и держа в руке вилку, она сказала:" Ничего не понимаю я в этой сегодняшней жизни. Деньги, деньги… Нас не так воспитывали, не деньги были для нас главными. У нас был какой-то духовный мир, идеалы, мечты о прекрасном. Мы умели радоваться скромным подаркам. А сейчас дети что говорят родителям? "Не купишь новый сотовый телефон – не пойду в школу". Как жить в таком мире? Когда же "мир спасёт красота"?"

– Никогда, – серьёзно ответил муж. – Его спасут только деньги.

6.Машина

Соседка Таисии Михайловны и подруга детства Татьяны Любовь Дмитриевна выдавала замуж младшую дочь. Старшая, Анжелика, давно была “пристроена” – так выражалась сама Люба. Правда, жених оказался проблемным – уже после свадьбы он четыре года отсидел в тюрьме за воровство. Но Анжелика, милая девушка, не унаследовавшая, к сожалению, яркой красоты своей матери, мужа терпеливо дождалась. И была вознаграждена. Муж, поумнев за годы пребывания в местах не столь отдалённых, больше не попадался на глаза милиции. Хотя воровать вряд ли перестал – его расходы всегда превосходили доходы. Устроившись работать в какую-то ремонтную мастерскую, жил он по -царски. Вскоре после возвращения муж Анжелы сменил скромную однокомнатную квартиру, в которой жена ждала его возвращения, на трёхкомнатную в престижном районе. Анжела ни в чём не нуждалась – и это взяла на вооружение её младшая сестра Аллочка.

Все, собравшиеся поглазеть на свадебный кортеж, просто ахнули, когда во двор, прямо к подъезду, где жили Люба с Аллочкой, медленно подъехал белый лимузин, украшенный красными – в знак любви – розами. Розами не бумажными, не изготовленными из лент или другой ткани, а только что срезанными в оранжерее. Они цвели и благоухали. Татьяна с матерью стояли на балконе на четвёртом этаже, но они были уверены, что ясно чувствуют этот запах.

Девятнадцатилетняя Алла в шикарном платье – видимо, выходить замуж рано было в традициях этой семьи – и её мама в белоснежном брючном костюме выглядели великолепно, хотя совсем не походили друг на друга. Алла привлекала молодостью и свежестью, Люба -красотой зрелой женщины, которой могут позавидовать и молодые. Татьяне уже не в первый раз пришла в голову мысль, что оба мужа Любы – отец Анжелики и отец Аллы – были выбраны неудачно. Они-то и испортили породу, не дав дочерям унаследовать красоту матери. Все, кто знал Любу, удивлялись, что, бросив первого мужа и нисколько не пожалев об этом, она нашла себе другого точно такого же. Второй муж, как две капли воды, был похож на первого – некрасивого и конопатого – и внешностью, и повадками. Он тоже пил, курил и мало зарабатывал.

Татьяна была уверена, что муж не должен портить породы жены, если она красива, а если некрасива – обязан улучшать её. В итоге дети ни в коем случае не должны быть уродливее родителей, а только лучше, совершеннее, как яблоки после селекции. Но в жизни почему-то всё бывает наоборот.

Люба, расставшись и со вторым мужем, долго жила одна, поставив на себе крест. И только два года назад у неё появился кавалер на “Мерседесе” – молодой и красивый. Даже слишком молодой, если учесть, что ему было не больше тридцати пяти лет, а Любе, Таниной ровеснице – пятьдесят.

– Вот определю Аллочку, – говорила Люба, – буду устраивать свою личную жизнь. А пока мне не до этого. И наконец счастливый день – свадьба дочери – настал.

Жених Аллы был худощав, носил очки, но был вполне милым пареньком, годами ненамного старше невесты. Он не скрывал своих чувств. Его радостные возгласы: “Я люблю тебя, Алла” были слышны на всю округу. Все радовались и желали им счастья в той самой однокомнатной квартире, где начинала семейную жизнь старшая сестра Аллы. Анжелика с мужем милостиво уступили её молодожёнам, и счастливая Алла уехала от матери. Люба осталась одна в трёхкомнатной квартире. Вот и настало время устраивать свою личную жизнь, подумали соседи, ни на минуту не упуская из виду Любу и её молодого кавалера. Но жизнь и тут внесла свои коррективы.

Второй муж Любы после развода жил с матерью, много пил, и однажды он не смог встать утром с постели, чтобы опохмелиться – его парализовало. Узнав об этом, Люба помчалась на другой конец города проведать муженька, и, увидев жалкое создание, не могущее пошевелить

ни ногой, ни рукой, расплакалась. Она искренне пожалела этого несчастного человека, отца её Аллочки, и начала регулярно навещать его с подарками и лекарствами. Это не понравилось, естественно, молодому кавалеру. Отношения его с Любой прервались – к счастью, не навсегда, а только на время. Парализованный муж вскоре умер, и знакомый “Мерседес” под Любиными окнами снова начал радовать глаз любопытных соседей.

– Ты замуж собираешься, Люба? – спросила её как-то Таисия Михайловна.

– Какое там замуж! – Люба безнадёжно махнула рукой.

– Что так?

– Он же женат, я сама недавно об этом узнала. Да и молодой слишком для меня. Развлекается…

– Вот как? Но тебе от этого, по- моему, не хуже…

– Не знаю, Таисия Михайловна, не знаю. Буду уповать на судьбу.

Любовный роман благополучно развивался ещё месяца два. А потом внимание соседей привлёк шум на лестничной площадке. Буянила – иначе её поведение не назовёшь – незнакомая женщина. Она стучала кулаками по двери Любиной квартиры и, нецензурно ругаясь, обвиняла Любу во всех смертных грехах. Последняя дверь не открывала и, видимо, правильно делала – от такой темпераментной особы можно ждать чего угодно. Объясняться в коридор вышла Таисия Михайловна – педагог по образованию, бывший партработник по должности – она решила, что справится с хулиганкой.

– Что случилось? – спросила она строго, внимательно разглядывая непрошенную гостью.

– Горе у меня – мужа увели, – взвизгнула гостья, – вот эта сука поганая чужим добром пользуется! Я ей глаза-то выцарапаю, пусть ещё хоть раз к мужу моему сунется!

– Это вам муж на неё нажаловался? Пристаёт к нему, прохода не даёт?

– Ты чего говоришь-то? Муж нажаловался! Да меня люди добрые просветили – смотри, Надька, уведут у тебя мужа. Будешь ушами хлопать – обязательно уведут. Ну, думаю, она у меня получит!

– Вы зря так себя ведёте, – сказала Таисия Михайловна, – если муж об этом узнает, он убежит от вас ещё дальше. Таких буйных женщин никто не любит.

– Не любят? Да он мне муж, законный, на что же эта стерва надеется?

– А зачем вы сюда пришли? Неужели не стыдно? По-моему, вам лучше было бы остаться дома…

– Дома? А эта дрянь тем временем моим мужем будет пользоваться? Ну уж нет!

– Но ваш муж – не ребёнок, его так просто за руку не возьмёшь и не уведёшь. Если он ушёл от вас, значит, не устраиваете вы его. Лучше бы посидели дома и подумали: а почему муж меня бросил? Может быть, я сделала что-нибудь не так?

– Слушай, бабуся, это тебе домой надо идти, а то дождешься! Я за мужем пришла, и ты мне не мешай!

– А его здесь нет, с чего вы взяли, что он здесь? Машина же не стоит под окнами? Вы, наверное, перепутали, и он ходит вовсе не сюда.

– Не стоит? Сбежал, значит, перехитрил меня. Но ей я покажу! – и незваная гостья снова забарабанила по двери.

Но тут уж вмешались соседи-мужчины. Они взяли хулиганку под руки и вежливо выпроводили из подъезда. А Люба так и не подала признаков жизни.

Таня узнала об этом из рассказа матери. Она сначала посмеялась, потом задумалась. Если из семьи ушёл муж, это неприятно для одних женщин и трагично – для других. Но стала бы она сама в подобной ситуации так себя вести? Никогда. Во-первых, такое поведение всегда приводит к обратному эффекту. Надоевшая жена становится ещё противней. Муж перестаёт считать себя виноватым и утверждается в своей правоте. И как только я с такой вот так долго жил? Как я мог терпеть все её выходки? Нет, надо бежать быстрее и как можно дальше. Даже

угрызений совести у него уже не остаётся – агрессивная жена сводит их на нет. Ведь это не только бескультурье, но и отсутствие каких-либо чувств к мужу.

Вот из-за таких женщин некоторые мужчины так никогда и не женятся. Другие из-за них вынуждены бросать своих детей, хотя нередко это бывает очень больно. Как же можно так позорить женский род? Нет, мы в большинстве случаев совсем не такие. Мы можем любить, жертвовать собой, понимать. И отпустить, если увидим, что нас разлюбили.

Почему у Любы, такой красивой и совсем не агрессивной, как её соперница, не жадной, не злой, не складывается личная жизнь? Или это риторический вопрос, который не требует ответа? У миллионов женщин не складывается личная жизнь. Ну и что? Жизнь-то продолжается и преподносит свои сюрпризы. Только на этот раз не Любе, а Татьяне и её семье.

Бабушка Таисия долго просила внука Андрея помочь ей по хозяйству – починить кран, наладить радиоточку и другие мелочи, которые он умел хорошо делать, а вот она не справлялась. Наконец-то Андрей выделил пару часов из своего времени и в субботу приехал к бабушке ,которая жила возле метро Медведково. Он поставил свою машину – “десятку” – на сигнализацию, оставил её во дворе и поднялся на четвёртый этаж. Любимый внучек быстро устранил течь в кране, сменив прокладку, и уже нашёл оборванный провод, чтобы восстановить радиосвязь, как услышал вой сирены. Он сразу узнал голос своей машины и вышел на балкон, чтобы посмотреть, что случилось. У его машины никого не было. Может быть, за корпус задел кто-то из прохожих или мальчишки из хулиганства бросили камень, как уже бывало. Андрей подождал, пока не прекратился вой сигнализации, ещё раз осмотрелся, убедился, что никаких взломщиков нет, и спокойно пошёл завершать порученные бабушкой дела.

Таисия Михайловна уже поставила чайник и готовилась угостить внука, такого хорошего помощника, чем-нибудь вкусненьким, когда Андрей вновь вышел на балкон, чтобы посмотреть на свою машину. Он бросил взгляд на тот пятачок, где она стояла, и не поверил своим глазам: “десятки” на месте не было. Понимая, что сама она переместиться не могла, он всё-таки огляделся по сторонам, ничего не увидел и, ещё не веря, что произошло нечто непоправимое, побежал к телефону звонить в милицию. Особой надежды на её помощь не было, но о пропаже машины в любом случае надо было сообщить.

Таисия Михайловна побледнела, опустилась на стул, потом начала причитать и плакать. Андрей мысленно отругал себя за то, что не смог скрыть этот факт от бабушки, что не вышел в коридор и не позвонил с сотового, но сокрушаться по этому поводу было уже поздно. Он, как мог, успокоил старушку, дал ей сердечных капель и помчался вниз встречать милиционеров.

В этот хмурый ноябрьский день во дворе почти никого не было, только соседка тётя Валя гуляла с собакой. Андрей тупо уставился на площадку, где недавно стояла машина. Что же это был за фокус? Выходит, кто-то сумел перехитрить эту чёртову сигнализацию и спокойно проникнуть в салон. Конечно, угоны в Москве давно уже не редкость, но вот такого он ещё ни от кого не слышал. Машину было нестерпимо жалко – она досталась ему недёшево.

Тётя Валя, прогуливаясь, подошла совсем близко и с любопытством посмотрела на него.

– У меня машину угнали, – еле слышно сказал он, – не видели?

– Как угнали? – изумилась тётя Валя.

– Вот здесь стояла моя машина, и её кто-то угнал.

– Какого цвета? Серая? Да, я видела, как в неё сели двое мужчин и уехали.

– Она же была заперта, как они умудрились сесть?

– Заперта? Они спокойно открыли дверь и уехали.

– И ничего до этого не делали?

– До этого машина твоя орала, будто её режут. Я ещё удивилась: никого нет, а она орёт. Постой, постой…– тётя Валя задумалась, а потом выдала очень важную информацию, – эти двое стояли вон там, в сторонке, под деревом. Один из них держал в руках какой-то прибор – я подумала, по сотовому телефону звонить собирается. Да, да, это были они.

– Тётя Валя, сейчас приедет милиция. Не уходите, пожалуйста, расскажите, как они выглядели.

– Как выглядели? Ничего особенного. Молодые, один в кожаной куртке, другой в какой-то синей. Тот, что в синей – высокий, второй – пониже.

– Вот это и расскажите.

– Конечно, конечно, не волнуйся.

– А куда они поехали, в какую сторону?

– В сторону метро.

Милиция вскоре приехала, двое молодых людей в форме записали все показания свидетельницы и пострадавшего, и спокойно уехали, даже не попытавшись успокоить Андрея. Они недвусмысленно дали понять, что угнанная машина может быть обнаружена только случайно.

Когда Андрей, убитый горем, вернулся домой, Татьяна уже была в курсе случившегося. Мать ей давно позвонила и, проклиная себя за то, что в этот злополучный день позвала к себе внука, плача и причитая, просила дочь не ругать Андрюшеньку. Татьяна и не собиралась его ругать, она и сама была в глубоком трансе от этого неприятного инцидента и готова была заплакать. Откуда берутся такие мерзкие люди? Почему они всегда умеют уйти от наказания?

Андрей внешне был спокоен, только бледен – в силу своего флегматичного характера он вообще не умел выражать эмоции бурно. Он рассказал матери подробности происшествия и пожалел о том, что об этом узнала бабушка – Таисия Михайловна действительно очень расстроилась. Ни Андрей, ни Татьяна не могли знать, что если бы не бабушкина догадливость и расторопность, не видать бы им машины, как своих ушей.

Дни шли за днями, Андрея два раза вызывали в милицию, где он несколько раз разным сотрудникам рассказал одно и то же, потом несколько раз расписался, все они в свою очередь охали и изумлялись, как же взломщикам удалось провести хозяина машины, но дальше этого дело не продвигалось.

– Это же надо, как внимательно наша милиция работает с потерпевшими, – заметил папа Сергей Алексеевич, – и выслушают, и посочувствуют, и десять протоколов составят… Вот если бы они так же работали с преступниками, небось, машины не угоняли бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.